

А Д А М
П Ш Е Х Ш Т А

АДЕНТ

MATERIA PRIMA

fanzon

Fanzon. Польская фантастика

Адам Пшехшта

Адепт

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)6-44

Пшехшта А.

Адепт / А. Пшехшта — «Эксмо», 2016 — (Fanzon. Польская фантастика)

ISBN 978-5-04-112024-5

Варшава начала 20 века. Появившийся в городе анклав, населенный демонами из мрачных легенд, окружен стеной из серебряных прутьев. Дома там приобрели необычные свойства, а улицы меняют направления. Аналогичные образования возникли в Москве и Петербурге. Внутри могут входить только царские патрули и лицензированные алхимики в поисках ингредиентов для экспериментальных зелий. Польский алхимик Олаф Рудницкий вместе с офицером элитной царской гвардии встает на пути смертельной опасности. А тем временем близится война. Магические поединки, экспериментальные лекарства и растущее напряжение в месте прорыва потустороннего мира приводят к финалу, которого никто не ожидал.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)6-44

ISBN 978-5-04-112024-5

© Пшехшта А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава I	5
Глава II	17
Глава III	27
Глава IV	38
Глава V	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Адам Пшехшта

Адепт

Для Альдоны

Глава I

Ночной воздух был наполнен ароматом влажного камня – недавно улицы омыл сильный осенний дождь, на границе восприятия удавалось ощутить металлические нотки с примесью гари, словно после проехавшего поезда. Только в анклав не было поездов. Как и людей. По крайней мере, живых людей...

Рудницкий с беспокойством поглядывал на клубящийся вокруг туман. Свет газовых ламп создавал во мраке фантастические формы, обманывал глаза, дурачил разум. Фонари в анклав горели и днем и ночью, хотя подачу газа давно прекратили. Однако варшавский анклав жил по своим правилам. Как и все другие. К счастью, проникновение затронуло только самые крупные города, в Российской Империи пострадали только три: Петербург, Москва и Варшава.

Внезапный порыв ветра разогнал мглу, и в луже отразилась Луна. Рудницкий беспомощно выругался – полнолуние. Ноябрь, значит, Луна Охотника. Здесь и сейчас обыкновенное предзнаменование. Несмотря на утешительную тяжесть револьвера и алхимические вещества в закупоренных бутылках из хрусталя, Рудницкий предпочитал не думать, кому, если что, выпадет роль охотника, а кому – дичи.

Из-за угла донесся звук, напоминающий скрежет железа по стеклу, и Рудницкий нервным жестом потянулся за оружием. Но, прежде чем он успел прицелиться, упал на мостовую, сваленный ударом по затылку. Через мгновение грубым пинком его перевернули на спину.

– Кто такой? – спросил солдат в мундире жандарма, прищутив глаза.

– Ал... алхимик. Лицензированный, – добавил Рудницкий поспешно. – Мои документы...

– Лежать! – рявкнул солдат, подкрепляя приказ дулом карабина.

Рудницкий невольно съежился, топот ботинок свидетельствовал, что жандарм был не один.

– Покажите документы, – произнес холодный голос на польском. – И никаких резких движений!

Безупречное произношение свидетельствовало о том, что незнакомец, несомненно, командир патруля, был или поляком, или прекрасно знал польский. Одно и другое казалось одинаково маловероятным: для охраны границ варшавского анклава специально набирали россиян, и редко, когда патруль возглавлял кто-то выше сержанта или вахмистра. А те не блистали образованием.

Рудницкий потянулся к карману плаща и вытащил документы, очень медленно поднимая руку.

– Действительно, алхимик, – буркнул незнакомец. – Лицензированный. Вот только лицензия истекла в полночь и уже несколько часов недействительна.

– Пристрелить? – равнодушно спросил жандарм, прижимая приклад щекой.

– Пока нет, – ответил командир с реальным или притворным замешательством в голосе. – Кто знает, зачем нам понадобится господин алхимик? Вставайте, – резко кинул он.

Рудницкий поднялся на ноги, со стоном ощупывая голову. Он стиснул зубы, разглядев кровь при свете ближайшего фонаря. Еще этого не хватало... Он вытащил из кармана кусок марли, обрызгал экстрактом с добавлением порошкового гематита.

– Было бы неплохо, если бы кто-то помог мне перевязать голову, – сказал он.

– Сами не справитесь? Нам еще и нянчиться с вами?

– Без меня вы не доживете до рассвета, – гневно кинул Рудницкий. – А что касается няньки...

– Перевяжи его, Матушкин, – нетерпеливо приказал командир. – Иначе будет ныть до утра.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

Рудницкий резко выдохнул. Еще раз посмотрел на командира патруля: три звездочки, так что старший лейтенант. Куда ему до высокоблагородия? Этот титул применим к капитанам и выше. До полковника включительно. Да и офицер какой-то странный: обычный, что ли, с умным выражением лица, которое портил только сломанный нос, как у боксера, на глаз лет сорок. В этом возрасте лейтенантом мог быть полный неудачник. А незнакомца окружала аура компетентности и власти. К тому же отличное знание польского... Та-а-а-к, похоже, ему попался необычный патруль.

Он кивком поблагодарил солдата, закупорил бутылочку и осторожно положил ее в сумку, что висела через плечо.

– У кого-то еще есть раны? – Он повысил голос.

– Раны? Нет. Только царапины, – ответил равнодушно офицер.

– Их нужно обработать, – смиренно произнес Рудницкий.

Лейтенант презрительно фыркнул, а подчиненные поддержали его смехом.

– Переживем, – заверил его Матушкин, хлопая Рудницкого по плечу.

– Недолго, – процедил поляк.

Солдаты не произнесли ни слова, однако свободный воротничок алхимика внезапно стал сжимать горло, словно петля висельника.

– Можете объяснить? – попросил офицер с обманчивой мягкостью в голосе.

– Сейчас полнолуние, – быстро ответил Рудницкий. – И ноябрь. Это время называется Луной Охотника. Тут, в анклав, и так опасно. Хватит запаха крови, чтобы спровоцировать то... что тут живет. А полнолуние усугубляет проблему. А Луна Охотника...

Он был прерван выражениями, какие редко используют даже в казармах. Только через минуту Рудницкий сориентировался, что солдаты проклинают не его, а собственную глупость.

– Поэтому вы беспокоились о перевязке?

В этот раз в голосе офицера не было снисходительных ноток, а в предложении – русских грамматических конструкций.

– Конечно. Этот эликсир не только остановит кровь, а также ликвидирует ее запах.

– Вы осмотрите раненых?

– Естественно, только не тут. Лучше зайти в какое-нибудь помещение. Нам надо поговорить.

– Обязательно, – признал офицер многозначительным тоном.

Они пошли вперед, подгоняемые офицером. Рудницкий шел посреди улицы, жандармы заняли позицию спиной к стенам зданий. Принимая во внимание, что и офицер, и каждый из трех солдат несли дополнительные винтовки, патруль был в значительной степени неполным. Ничего удивительного для анклава...

Постепенно здания становились все больше нереальными, обманывая чувства. Приземистые варшавские каменицы росли ввысь, как готические костелы, на крышах появлялось все больше горгулий и химер с разъявленными в хищных гримасах пастьми, появились стрельчатые окна.

– Может, тут? – предложил офицер.

Врата каменицы зияли почти осязаемой тьмой, словно вход в склеп, а рядом лежала газета, освещенная светом ближайшего фонаря.

– Не двигайтесь! – резко кинул Рудницкий.

– Господин алхимик. – Лейтенант с уважением пропустил его вперед.

– «Утренний курьер», криминальная хроника, – прочитал вслух Рудницкий. – «Вчера, во втором часу ночи, вызванная за Иерусалимские рогатки¹ «Скорая» обнаружила в луже крови тридцатилетнего работника Михальского с колотой раной в области сердца. Раненого доставили в Госпиталь Младенца Иисуса, где он вскоре умер». Идем дальше!

– Почему?

– Это предостережение! – рявкнул поляк.

– Предостережение?

Рудницкий беспомощно вздохнул: в голосе лейтенанта не было агрессии, и, хотя ствол винтовки небрежно нацелен в мостовую, однако не было сомнений, что мужчина ожидал ответа. Исчерпывающего ответа.

– Анклав живет, – тихо ответил алхимик. – Существует множество более или менее правдоподобных теорий на тему его появления и свойств, но это сфера ученых и философов. А может, теологов... А на практике лучше воспринимать его как охотничью территорию, район с чрезвычайно опасными хищниками. Никто из них не оставляет следов, к которым мы привыкли, но время от времени можно наткнуться на какую-нибудь подсказку. Это, – он указал на газету, – одна из них.

– Словно след волчьей лапы? – отозвался Матушкин.

– В этом случае скорее не волчьей, а тигриной.

– Идем отсюда, – решил офицер.

Следующие ворота также не вызвали желания зайти, однако алхимик без колебаний углубился в темноту.

– Внимание, ступени, – предостерег он.

Двери были открыты, как обычно в анклав, из зала доносились звуки вальса. Солдаты молниеносно разбежались по помещению, проверяя все уголки.

– Никого, – отрапортовал невысокий, коренастый жандарм с заливхватски закрученными усами.

– И патефон играет... – пробурчал под нос офицер.

– Ничего не трогайте, – предупредил Рудницкий. – Не выходите из помещения одни. И обращайтесь внимание на все, что кажется вам странным.

– Я так понимаю, что это не касается самоиграющих патефонов или вчерашних газет? – спросил лейтенант.

– Не касается, – сухо признал поляк. – А сейчас обрабатываем раны. И помните, считается каждая царапина!

* * *

Рудницкий запил сухари чаем и снова подвинул стакан в сторону самовара. Усатый солдат по фамилии Ершов открутил краник.

– Это точно нам не навредит? – спросил он.

– Нет, еда в основном безопасная. Ну, эта нормальная...

– Не понимаю...

– Лучше не есть того, что убивает, – объяснил алхимик.

На лице жандарма появилось отвращение.

– Реально кто-то пробовал?

¹ Иерусалимские рогатки – два павильона, стоявших по обе стороны Иерусалимских аллей в Варшаве. Уже не существуют, но в 18 веке их было 10. Использовались для перекрытия дороги шлагбаумом.

– Бывало, – подтвердил Рудницкий. – Некоторые считают, что мясо существ, живущих в анклав, обладает особыми свойствами.

– Это правда? – быстро спросил офицер.

– Без понятия. – Поляк пожал плечами. – Я не занимаюсь магией. Содержу аптеку.

Крепкого телосложения солдат, дремавший до этого времени под окном, поднял голову и окинул Рудницкого внимательным взглядом, в котором не было и следа сонного отупения. Знаки на погонах гиганта выдавали в нем вахмистра.

– Расскажите, что вы тут ищете, Олаф Арнольдович, – попросил он.

Рудницкий неуверенно откашлялся. С того момента, как он осмотрел их раны, они обращались с ним с упреждающей, просто неестественной вежливостью, несовместимой со стереотипом простого солдата. И задавали вопросы. Грамотные вопросы. К тому же совсем не беспокоились о реакции командира, словно знали, что он не будет злиться на подобные расспросы. Они даже не спрашивали позволения вмешаться в разговор, что сильно контрастировало с моделью дисциплины в российской армии. И речь не в легкомыслии командира, все его распоряжения выполнялись беспрекословно.

– Что вы знаете о спагирической медицине? – ответил он вопросом на вопрос.

– Немного. Название кажется мне знакомым и только.

– Наверное, речь идет про объявления в прессе, – со злорадной усмешкой сказал Матушкин. – Знаете, про те, что обещают мгновенное лечение смущающих болезней. Вахмистр Батурин регулярно их читает...

Батурин ответил непристойным жестом, однако по нему не было видно, что он действительно злится, словно колкости подчиненного его совершенно не волновали.

– Ну и, Олаф Арнольдович? – осторожно подталкивал он.

– Если это для вас сложно...

– Вахмистр только выглядит как троплодит, на самом деле он может сосчитать до двадцати, не используя пальцы рук и ног, – поддержал просьбу подчиненного лейтенант. – И я с удовольствием узнаю что-то новенькое.

Рудницкий поднял брови, но не прокомментировал то, что солдаты интересуются алхимией. Курам на смех.

– Как пожелаете. – Он пожал плечами. – Само слово «spagīria» происходит от греческих терминов «срао» – отделить и «агеіо» – объединить. Если коротко, то речь идет об отделении энергии минералов, растений или животных, сборе ее в лекарства и объединении с энергией человека. Сам процесс очень сложный, и каждый алхимик выполняет его по-своему, путем многократной дистилляции, сублимации, экстракции, ректификации...

– Но это же безумие! – влез в разговор уса́тый Ершов. – Энергия животных!

– Ну хорошо, – буркнул Рудницкий. – Попробую на примере... Недавно поляк Казимир Функ открыл, а скорее извлек новую субстанцию, которую назвал «витамин». Если его не хватает в организме человека, то он начинает болеть. Лечение очень простое – достаточно восполнить недостаток. Сам феномен изучается давно, хотя неизвестно точно, чего не хватает человеку. Сотни лет люди лечили цингу лимоном или квашеной капустой, а куриную слепоту – сырой печенкой. Только не каждый хотел или мог съесть сырую печень... Лучше бы было сохранить необходимый ингредиент в таблетках или... ну я не знаю... В сиропе. И давать больному.

– И этим вы занимаетесь? – спросил Батурин.

– Не совсем. Классическая медицина исследует отдельные компоненты, входящие в состав лекарств, алхимия подходит к этому более обобщенно, нас не волнует, что находится в лекарстве, главное, чтобы оно действовало. Мы сосредоточены на том, чтобы насытить его как можно большим количеством активной субстанции и сделать его максимально усваиваемым для человека. Существует еще одна разница между нами и лекарями: медицина считает,

что нет никакой связи между человеком и вселенной, мы – наоборот. Согласно принципам алхимии, каждый орган сформировался под воздействием разных сил: глаза и сердце – благодаря энергии солнца, а, например, части тела, которые так интересуют вахмистра Батурина... – Рудницкий позволил себе легкое злорадство. – ...подвергаются воздействию Венеры. Поэтому проблемы с сердцем мы будем лечить золотом, а венерические болезни соединениями меди, металлом, которым управляет Венера.

– И это работает? – спросил Матушкин с сомнением в голосе.

– Я же говорил, что содержа аптеку. Если бы мои лекарства не помогали людям, то у меня не было бы клиентов.

– Логично, – признал жандарм.

– А возвращаясь к сути дела: что вы делаете в анклав? – вспомнил Батурин.

– Тут все... особенное. Бывает, что спагирические препараты лечат болезни, при которых классическая медицина бессильна, но, так или иначе, это не всегда эффективно. Однако ингредиенты, взятые из анклава... Тут практически нет никаких ограничений. Зато существует другая проблема: нужно их собрать и при этом выжить.

– Какие ингредиенты? – спросил офицер.

– Почти все, – с раздражением ответил Рудницкий.

Лейтенант был единственным человеком, который не представился, не назвал имя, фамилию, отчество, что вынуждало алхимика лавировать в грамматике. Поскольку он не собирался обращаться к россиянину «ваше высокоблагородие».

– А конкретно? – Командир лениво улыбнулся.

– Разные металлы: золото, серебро, медь. Растения... в анклав есть несколько садов и скверов, часть Саксонского сада. К тому же...

– То есть алхимики воруют собственность людей, которые тут когда-то жили? – прервал его офицер.

– Господин лейтенант, – со злостью процедил Рудницкий, – еще одно слово в таком тоне, и я потребую сатисфакции! И может, вы, наконец, представитесь, к чертовой матери!

Минуту в комнате царила полная удивления тишина, солдаты таращились на поляка, словно у него выросла вторая голова, наконец они разразились громогласным хохотом.

– Представьтесь, ваше высокоблагородие, иначе господин алхимик порубает вас саблём или застрелит, – посоветовал Батурин, утирая слезы. – И останемся мы сиротками без командира.

Разгневанный Рудницкий вскочил из-за стола. Кинутое тихим голосом «молчать», оставило и жандармов, и алхимика. Солдаты вытянулись по стойке смирно, а все веселье как ветром сдуло.

– Прошу прощения, – с поклоном произнес офицер. – Александр Борисович Самарин. И, если меня память не подводит, герб Рудницких – это ястшембец²?

Все еще бледный от гнева Рудницкий кивнул.

– И мой тоже.

– Не понимаю.

– Я тоже запечатаваю ястшембецом. Кто знает, может, мы родственники? – добавил Самарин с улыбкой. – Я еще раз прошу...

Его перебил шум, доносящийся с лестничной клетки. Солдаты молниеносно схватились за оружие.

– Стреляйте, как только появится на пороге! – приказал лейтенант.

² Ястшембец – польский дворянский герб, включающий 1108 родов, некоторые из них занесены в Общий гербовник дворянских родов Российской империи.

Она выглядела как женщина, хотя голубоватый оттенок кожи четко свидетельствовал, что она не принадлежит ни к одной известной расе. Она была голая, но вид ее не вызывал эротических желаний, только чувство чуждости и страха. Парализующего страха. Она пела что-то высоким, похожим на звук флейты голосом, и Матушкин рухнул на пол, истекающий кровью из носа и рта. Рудницкий ответил коротким заклинанием, создание задержалось, словно его прижгли раскаленным железом, и взгляд желтых кошачьих глаз остановился на алхимике.

– Это демон! – закричал Рудницкий, неловко вытаскивая револьвер.

– Пли! – гаркнул Самарин.

Грудь женоподобного существа разорвали серебряные пули, кожа покрылась темными пятнами, запахло гнилью. Через мгновение, равное удару сердца, раны стали затягиваться здоровой тканью.

Солдаты остановили ее еще одним залпом, лязгнула сталь, и сабля Самарина перерубила ключицу демона. В этот раз рана не затянулась. Жуткий вой заморозил Рудницкого до костей, поэтому алхимик позорно промахнулся, стреляя почти в упор. Самарин вырвал у него оружие и несколькими выстрелами разнес созданию голову.

– Что, черт возьми, это было? – заорал он, тяжело дыша. – Господин алхимик?

Рудницкий медленно поднялся и подошел к Матушкину.

– Помогите его поднять, – попросил он. – Нужно дать лекарство, иначе он захлебнется собственной кровью.

– Вы справитесь? – с недоверием спросил Батурин. – Мы раньше видели такие случаи, они всегда заканчивались смертью.

Алхимик подождал, пока вахмистр посадит солдата, после чего смочил губы Матушкина парой капель эликсира, пахнувшего миррой и нардом.

– Посмотрим, – спокойно ответил алхимик. – Чем быстрее дать антидот, тем больше шансов.

– Олаф Арнольдович, – требовательно произнес офицер. – Может, вы ответите на мой вопрос?

– Сейчас, – рассеянно пробормотал алхимик. – Нужно поспешить, иначе за несколько минут... – Он не закончил. – Черт! У меня нет инструментов!

– Вы хотите его оперировать? – Лейтенант нахмурился. – Сейчас? Без обезболивающего?

– С чего это!? Я собираюсь вытащить у нее сердце...

– А сами говорили, не есть ничего, что охотится, – напомнил Батурин.

– Александр Борисович, вы не одолжите мне саблю? – попросил алхимик, не обращая внимания на шутку солдата.

– Может, лучше я? – предложил дипломатично офицер. – Мне кажется, у меня больше опыта...

– В таком случае прошу, разрежьте грудную клетку, не повредив сердце.

– Ну...

Самарин подошел к труп и ударил. Удар разрубил грудную кость с невероятной точностью.

– Помогите! – закричал Рудницкий. – Сейчас нужно раздвинуть ребра!

Офицер и Ершов, не проявляя признаков отвращения, помогли алхимику вытащить еще пульсирующее сердце из грудной клетки создания.

– Оно бьется, – заметил Самарин.

– Это только рефлекс, как у курицы с отрубленной головой.

– И что вы с ним сделаете?

– Сожгу, – объяснил Рудницкий, уходя на кухню.

– В смысле?

– Я же говорил уже: спагирическая медицина использует также ткани животных.

– Вы же кричали, что это демон, а раньше кинули в нее заклинанием...

– Заклинание – это сильно сказано, я не маг. Это скорее формула, что позволила распознать уровень угрозы, какой представляет местная... фауна.

– И насколько опасным это было?

– Очень.

– Вы бы сами справились? Один?

– Вы же видели, как я стреляю, – с неохотой произнес алхимик. – Мы помогли друг другу.

– Помогли? – Ершов прыснул смехом. – Если бы не его высокоблагородие...

– Если бы не мое оружие, эта леди распотрошила бы нас всех, – выдал ему Рудницкий. – Вас ничему не научили ваши погибшие? Скольких вы потеряли? Четверых? Пятерых?

Самарин поджал губы и не ответил, глядя на кусок мяса на железной плите. Сердце сгорело мгновенно, оставив после себя только маленькую щепотку черного пепла. Алхимик до последней крупинки собрал пепел в стеклянный флакон.

– Мы можем тут отдохнуть? – отозвался офицер. – Хорошо бы дождаться утра. Да и Матушкин...

– Можем. Только выкиньте эту стерву из дома.

– Зачем? Разве тело не привлечет... падальщиков?

– Нет. Это скорее послание для существ, живущих в анклав. Что-то типа: «Мы убили сильнейшую суку в этом районе, если хочешь быть следующим, милости просим»...

– Батурин, Ершов! – приказал офицер, не повышая голос.

Быстрый топот подкованных сапог свидетельствовал о том, что солдаты кинулись выполнять приказ.

* * *

Из сна Рудницкого вырвало осторожное прикосновение; как странно, он проснулся мгновенно, хотя дома ему нужно несколько минут, чтобы прийти в себя. Возможно, причина в изменении окружения – в комнате над аптекой он чувствовал себя в безопасности, а в анклав совсем наоборот.

– Рассветает, – проинформировал его Ершов. – И с Матушкиным все в порядке. Пришел в себя час назад, только слабый, как новорожденный.

– Ничего удивительного, – буркнул Рудницкий. – Он с литр крови потерял.

– Если бы не вы...

– Да ладно вам. – Алхимик отмахнулся от благодарности. – Если бы я был один, то кто-нибудь выпустил бы мне кишки.

– Это не первая ваша вылазка в анклав, правда?

– Естественно, – признался Рудницкий, не давая дальнейших пояснений.

В комнате о битве напоминал только неприятный запах гниющего мяса. Солдаты не только вынесли труп, но и удалили пятна крови. Офицер поздоровался с алхимиком кивком головы, а жандармы отдали честь.

– Благодарю, господин алхимик! – проскандировал, вытянувшись в струнку, Матушкин.

– Садитесь. – Самарин пригласил Рудницкого к столу. – Чем богаты...

В этот раз его угостили не только сухарями, кто-то поделился консервой и банкой сгущенного молока. Похоже, его акции пошли вверх.

– Что будем делать? – спросил через минуту Самарин. – Как думаете, какое расстояние до границы анклава?

– У нас все равно нет выхода, мы должны попытаться добраться до стены. Сейчас, после восхода солнца, достаточно безопасно, большинство живущих тут существ – создания ночи. К сожалению, есть одно «но».

– Ну и?

– Самых сильных созданий можно встретить и днем...

– Сколько времени это займет?

– Черт его знает. – Рудницкий пожал плечами. – Пару минут или бесконечность. Согласно моим расчетам, мы недалеко, где-то на стыке Беланской и Сенаторской. Если все будет хорошо, через час-полтора мы должны быть возле стены. Причем только первые полчаса будут самые опасные: у этой мрази аллергия на серебро, большое количество этого металла они ощущают на расстоянии, и ни один из них не подойдет к границе анклава.

Офицер кивнул. Пятиметровая стена вокруг анклава была укреплена толстыми, как мужская рука, серебряными прутьями. Это серебро и позволяло удерживать анклав в границах, создавая непроницаемый барьер как для созданий, что населяют его, так и для их разрастания. Отсюда и смена курса металла – в настоящее время серебро было в несколько раз ценнее золота и в два раза ценнее платины.

– Если мы так близко от стены, то откуда час марша? Согласно карте, нам нужно пройти не больше километра.

– И да и нет, – ответил алхимик, проглотив завтрак. – В анклав карты немного стоят и дают только приблизительную картинку реальности.

– То есть? – нахмурился офицер.

– Вы видели, как выглядят каменицы? Эти все аттики, украшенные бог знает какими уродствами, эти дополнительные этажи...

– Я думал, что это оптический обман.

– О нет! Отнюдь. Вы можете повиснуть на одной из этих горгулий. Они абсолютно реальные. Только это реальность анклава. Отражение реальности до проникновения, видимое глазами какой-то чужой сущности, точно не человеческой. Возьмем, например, квартиры: их обустройство напоминает то, что было до проникновения, но все предметы выполнены анклавом.

– Я не понимаю...

– Подойдите к патефону и опишите мне, что вы видите.

– Ничего особенного, патефон как патефон, у моей тетки был идентичный.

– Точно? Вы видите где-нибудь название фирмы?

– Нет.

– А сейчас вытащите пластинку.

Офицер выполнил просьбу алхимика и замер, а Матушкин перекрестился – из патефона продолжали литься звуки вальса «Амурские волны».

– Как это возможно? – пробормотал ошарашенный Самарин.

– В анклав нет ни одной вещи, которая осталась бы неизменной. Ни одной! – подчеркнул алхимик. – Все, что мы видим, – это порождение анклава. И конечно, они похожи на оригиналы, но не идентичные. Поэтому я не считаю себя мародером, – добавил он с едва заметным оттенком злорадства.

– Олаф Арнольдович, – укоризненно вздохнул офицер.

– Ладно, ладно, я только... Вернемся к сути: неизвестно, действительно ли улицы, что ведут к стене, и в самом деле ведут к стене. Это меняется каждый день. Ну что, идем?

– Еще минутку. Что не так с нашим оружием? Вчера ночью я потерял людей, потому что серебряные пули не очень-то вредили созданиям, что на нас напали. А ваши моментально превратили в труп того псевдодемона. Ну и сабли! Теоретически посеребренная сталь должна быть слабее, чем чистое серебро, но, если бы не наши сабли, никто бы из нас не выжил. Что тут происходит?

Рудницкий быстро схватил банку и допил молоко, было заметно, что он не желает ничего объяснять.

– Какое это имеет значение? – буркнул он. – Через час будем на той стороне, и я не разбираюсь в оружии.

– Сначала мы должны пережить этот час, – заметил Самарин. – Что будет, если мы встретим по дороге какого-то более сильного представителя местной фауны? И я не уверен, что проблема состоит именно в нашем оружии. Так что, Олаф Арнольдович...

– Я не хочу влезать в ваши дела!

– В какие «наши», ради бога?!

– Такие, которые касаются гарнизона Варшавы и не имеют ничего общего с алхимией или аптекарством! И какого черта мне нужны еще проблемы? Сами ловите своих воров!

На лице Самарина промелькнул секундный гнев, и офицер сжал кулаки.

– Вы намекаете...

– Я ни на что не намекаю! – закричал выведенный из равновесия Рудницкий. – Только любезно сообщая, что полковник Круглов – чертов вор!

– А Круглов – это...

– Интендант гарнизона, – ответил поляк с удивлением в голосе. – Вы не знали?

Офицер скривился, словно съел лимон. Исключительно кислый лимон.

– Я получил перевод из Петербурга, – объяснил он. – Еще не успел сориентироваться в ситуации. Откуда вы знаете, что Круглов вор?

– Только что из Петербурга и сразу вас отправили в патруль? Это же идиотизм!

– Я не буду это комментировать, – с каменным лицом ответил Самарин. – Вернемся к Круглову... У вас есть доказательства?

– Кроме того, что я регулярно даю ему взятки, чтобы получить разрешение на вход в анклав? Тогда, пожалуйста, вытащите пулю, а лучше несколько.

Офицер молча потянулся к патронташу, что висел у него на груди, и кинул на стол горсть пуль.

– А это одна из моих. Вы видите разницу?

– Ваши светлей.

– Конечно, серебро смешивают с медью, и чем светлее цвет, тем больше содержание металла в сплаве. У меня нет при себе пробирного камня или химикатов, но, судя по цвету, содержание серебра в ваших боеприпасах не больше тридцати двух золотников.

Лоб Самарина покрылся горизонтальными морщинами, кто-то из солдат выругался.

– Когда-то по рассеянности я купил невесте сережки семьдесят четвертой пробы и получил по морде, – сказал Батурин.

– Вы это заслужили, – ответил алхимик. – Это самая низкая разрешенная законом проба. Жандармы засмеялись, напряжение спало. Ненадолго.

– Как бы это выглядело в промилле? – спросил лейтенант. – Для ясности...

Рудницкий удивленно посмотрел на него: на территории всей Империи содержание благородных металлов измерялось в золотниках. И очень сомнительно, чтобы офицер такого низкого уровня делал покупки в Париже.

– Наивысшая проба – это девяносто шесть золотников, практически чистый химический металл. Тридцать два золотника – это триста тридцать три промилле. К сожалению, на фауну анклава действует только выше сорока восьми золотников.

– То есть серебро должно быть пробы выше пятисот? – уточнил Ершов.

Алхимик кивнул.

– Пришибу эту сволочь, – сказал низким, удивительно спокойным голосом Батурин. – Столько ребят погибло. Я...

Он замолчал, остановленный жестом, означающим: «Не сейчас». Видимо, Самарин не собирался стирать армейское белье в присутствии не только гражданского, а еще и поляка.

– Я думаю, сабли вы забрали с собой из Петербурга, а боеприпасы вам выдали на месте, – нарушил Рудницкий неловкое молчание.

– Разумеется, – мрачно бросил офицер. – Благодарю за разъяснение. И заверяю, что у вас не будет никаких проблем. Как только поселюсь в гарнизоне, улажу дело раз и навсегда. А сейчас в путь!

* * *

Они остановились у входа на площадь Железных Врат. Россияне без приказа потянулись за оружием, Рудницкий вытащил большую бутылку из матового стекла. Он попытался сглотнуть слюну. Не получилось. Глубоко вздохнул, стараясь справиться с дрожанием рук.

– Это самая короткая дорога к стене, – сказал, закусив губу, Самарин. – Уже видно сторожевые башни. Если отступим... – Он не закончил.

Уже пару часов они кружили по улицам анклава, все время натываясь на нанесенные на карту закоулки и ведущие в никуда аллеи.

– Олаф Арнольдович, удастся как-то его обойти?

– Сомневаюсь, – ответил поляк.

Чудище даже издали казалось огромным. Мускулистое, безволосое тело было полностью лишено гениталий, его голову венчали бычьи рога. В руках он держал короткий черный меч.

– Эта скотина высотой с три аршина, – хрипло прошептал Батури.

– И оружие, – добавил Матушкин. – Это демон? Псевдодемон? – исправился он под суровым взглядом офицера.

Алхимик смиренно кивнул.

– Ну же, Олаф Арнольдович? – настаивал Самарин.

– Мы должны рискнуть.

– Отлично. Батури...

– Нет! Я первый. Вы подключитесь, когда я дам знак.

Не дожидаясь ответа, Рудницкий вышел на площадь. Вытащил пробку, что-то тихо прошептал и швырнул бутылку. Звук битого стекла привлек внимание монстра, и он побежал, гремя по мостовой раздвоенными копытами. Против него вышла размытая, нечеткая фигура, напоминающая сгусток тьмы. Лезвие промелькнуло, словно черная молния, но, по-видимому, промазало, однако по площади разнесся рык, полный боли и разочарования, и на животе бесполого существа появилась рана, из которой хлынули кровь и внутренности.

– Сейчас! – закричал Рудницкий.

Солдаты кинулись вперед, стреляя на бегу из револьверов. Серебряные пули рвали тело чудища – алхимик разделил между солдатами свои боеприпасы – однако оно продолжало бороться, сплетая вокруг себя стальную паутину, продолжая сеять смерть.

Сабля Ершова встретила с черным лезвием, и в ту самую секунду жандарм упал с отрубленной рукой. Шашка Батурина вонзилась в бедро монстра, но ее владелец заплатил за это высокую цену: кулак демона лишил его сознания, а звук, напоминающий треск ломающихся веток, говорил о том, что удар переломал жандарму ребра.

Самарин ударил из широкого замаха, стараясь отрубить монстру голову, однако, несмотря на фонтан светлой жидкости, что брызнул из раны, сабля не перерубила позвоночник до конца, словно шея монстра проросла задеревеневшими побегами.

– Матушкин! – отчаянно закричал офицер.

Матушкин отвлек рогатого фальшивой атакой, после чего ловко уклонился от острия черного меча. Воспользовавшись случаем, Самарин перерубил сухожилия на ногах демона, на волосок уклонившись от смертельного лезвия.

– Стреляй! – закричал офицер Рудницкому.

Алхимик послушно вытащил оружие и выстрелил, чуть не попав в Матушкина.

– Ближе! – заорал лейтенант.

Тем временем демон атаковал солдата: огромный рост и длинные руки помогли ему дотянуться даже на коленях. Удивленный Матушкин пытался блокировать удар, но черный клинок разрубил стальную саблю, словно она была из бумаги, и жандарм упал на спину. Он попытался сделать переворот через спину, но не успел: короткое острие рассекло его лицо и застряло в ключице.

Самарин рубил бестию по спине, однако нечеловеческая живучесть монстра не имела никаких границ. Удар когтистой лапы откинул офицера на мостовую. Под кожей демона вздулись синие вены и его раны начали медленно затягиваться, хотя продолжали кровоточить. Стиснув зубы, Рудницкий выстрелил монстру в голову. Мягкая серебряная пуля разорвала морду чудища. Алхимик сунул дуло в глазницу, напоминающую сейчас кровавый кратер, и несколько раз выстрелил. На минуту все замерло, словно насекомое в янтаре, и наконец демон с грохотом рухнул на землю.

Не обращая внимания на погибших россиян, Рудницкий перерезал артерию на шее чудища и подставил флягу.

– Что вы, к дьяволу, делаете? – процедил со злостью Самарин. Офицер уже поднимался с земли, порванный в клочья рукав мундира и гримаса боли на лице говорили, что он не вышел из боя невредимым. Покрытые кровью руки офицера приобретали сине-серый цвет.

– У меня есть раны на лице? – ответил вопросом алхимик.

– Легкие царапины и синяки.

– Это не синяки, это что-то типа гангрены. Молниеносно развивающейся гангрены. Так, как и на ваших руках.

– Сколько у нас времени? – спокойно спросил Самарин.

– Секунды, – так же равнодушно ответил алхимик. – У этой скотины под когтями какие-то токсины. Или что-то подобное. Псевдодемон и псевдотоксины, – невесело фыркнул он.

– Что де...

Самарин замолчал, словно пораженный громом: поляк сделал большой глоток из фляги и теперь протягивал ему.

– Ну, чего вы ждете? – гаркнул Рудницкий. – Это наш единственный шанс. И их. – Он кивнул в сторону солдат.

– Я...

– Пей, к чертовой матери!

Русский послушно сделал глоток, потом второй. Алхимик бесцеремонно отобрал у него флягу.

– Без преувеличения, это самое паршивое питье на свете.

– Не понял...

– И не надо. Помоги мне их поднять, не хочу, чтобы подавились.

Через минуту Матушкин открыл глаза. Батурин и дальше лежал беспомощный, но казалось, что дышит уже легче.

– Ну а этому уже ничто не поможет. – Рудницкий посмотрел на Ершова.

Жандарм был мертв. Его лицо приобрело синь неба.

– И на мече что-то было, – хмуро констатировал поляк.

– Это нас... вылечит? Эта кровь? – спросил Самарин.

– Без понятия. Теоретически... – Алхимик пожал плечами.

Офицер посмотрел на руку: кожа стала почти нормального цвета. Заражение отступило. Он сжал руку в кулак.

– Это работает! Ничего не болит.

- Понятно. Посмотрим, какие будут побочные эффекты. Кто знает, не пожалеет ли мы о том, что выжили...
- Идем?
- Секундочку, нам нужно тут еще кое-что сделать.
- Ну, конечно, – бросил Самарин. – Надеюсь, что сердце у этой скотины там же, где у всех, – добавил он, вытаскивая саблю.

Глава II

Рудницкий неспешно шел по чисто выметенному тротуару. Липовая – это не центр города, но достаточно близко к Краковскому предместью, чтобы дворники старались, махая метлой в такт его трости. Не было повода беспокоиться: ценные ингредиенты отдыхали в сейфе, а лицензию можно и выкупить. Даже если и переплатить. Но! Если бы только лицензия! Успех последней вылазки превзошел все ожидания. Однако это вызывало беспокойство. И этот лейтенант...

По приказу Самарина патруль проводил его до самого дома, хотя Рудницкий по собственному опыту знал, что русские не только не беспокоились о стервятниках, подстерегающих возвращающихся из анклава алхимиков, но даже наблюдали за этим действием с ироничным удовольствием. Не раз и не два в канаве обнаруживали труп адепта «королевского искусства». Ну, – говорили власти, – Варшава – это небезопасный город... А тут гляди: охрана для Олафа Арнольдовича. Благодарность? Возможно, однако Рудницкий не мог избавиться от ощущения, что тут что-то большее.

Он остановился перед вмонтированным в витрину зеркалом, нервным жестом дотронулся до щеки: под левым глазом, там, где прошли когти демона, было заметно меняющееся пятно. Вчера оно напоминало дракона, сегодня – розу. В оттенках старого серебра. Безумие...

Он бросил мрачный взгляд в зеркало, делая вид, что поправляет шляпу. Нечем было восхищаться: обычный тридцатилетний мужчина, с худым, волчьим лицом и редкой сединой на висках.

Небольшой, шустрый, словно искра, парень с проникновенным дискантом оглашал последние сенсации в прессе, поддерживая сумку с газетами, что висела на плече. Рудницкий кинул ему пять копеек и взял еще пахнувший печатной краской экземпляр «Варшавского курьера». Посреди анонсированных на первой странице статей выделялась одна, информирующая про несчастный случай в комендатуре. Полковник Круглов застрелился во время чистки своего оружия. Значит, можно будет сэкономить на взятках...

С соседней улочки неслись литургийные песнопения, переплетающиеся с зазывающими криками торговца «единственными эффективными амулетами». С начала проникновения много людей вспомнили про религиозные обязанности, костелы и церкви трещали по швам. Не то чтобы это помогало. В свое время, еще до возведения стены, экзарх Тихон возглавил торжественную процессию к центру анклава. Со стягами, иконами, кадилами и святой водой. Не вернулся ни один из нескольких сотен участников шествия.

Стоящая на углу улицы проститутка распахнула дорогое, скорее всего ворованное пальто, демонстрируя белые бедра и поношенное, но чудо, чистое белье. Рудницкий энергично отогнал ее тростью, пытаясь игнорировать импульс, приказывающий присмотреться к девушке повнимательней. «Самое время найти какую-нибудь милую панночку, – подумал он с грустью. – Ваша жизнь утекает между пальцев, Олаф Арнольдович, вот так-то!»

Его размышления прервал стук дрожек, нет, не дрожек, а украшенной гербом кареты, которая остановилась рядом с ним, заехав на тротуар. Рудницкий с проклятиями отскочил.

– Нехорошо начинать день с брани, – заметил Самарин, открыв двери. – Прошу. Надо поговорить.

Алхимик подозрительно прищурился: офицер был без жандармского плаща, а сияющие от золота эполеты идентифицировали его как полковника. Сейчас понятно, почему солдаты называли его высокоблагородие...

– Откуда карета? – спросил поляк.

– У тетки одолжил, а честно говоря, у теткойной бабки. Старушка отдала ее в мое распоряжение, поскольку у нее несколько таких.

– Но это не ястшембец, – заметил Рудницкий, показывая на герб.

– Садись давай, – нетерпеливо произнес Самарин. – Тетка из рода Квашинина-Самарина, это другая ветвь. От ястшембца тут осталась только подкова на груди орла. Тетка вышла за генерала Волконского, но после его смерти использует свой герб.

Алхимик влез в карету и, ободренный жестом офицера, уселся на мягкую, оббитую кожей кушетку.

– Слушаюсь, господин полковник, – сказал равнодушным тоном алхимик.

Самарин вытащил из переносного бара бутылку коньяка и, разложив дорожный столик, разлил алкоголь в хрустальные бокалы.

– Выпьем, – предложил он. – И без церемоний... кузен. Этикет меня утомляет.

Рудницкий расхохотался, но не запротестовал, хотя идея о родственных связях с русским была полным абсурдом. Самарин оказался не только благородным, а еще и аристократом.

– Кем вы... кто ты? – исправился он, пробуя выпивку.

Запахло ягодами и ванилью, а в небо ударила волна огня со вкусом шоколада.

– Офицер Личного Конвоя Его Императорского Величества.

Рудницкий нервно сглотнул слюну: солдаты элитной царской гвардии последний раз посещали Варшаву вместе с императором в тысяча восемьсот девяносто седьмом году. Только сейчас алхимик увидел на груди Самарина медаль с инициалами Николая II.

– Нет, нет, о приезде Его Величества речь не идет, – ответил русский на незаданный вопрос. – Проблема – это анклав.

– Куда мы едем?

– К тебе, нам надо спокойно поговорить.

– Я, собственно, шел в канцелярию генерал-губернатора. Как ты знаешь, моя лицензия закончилась, и я хотел бы...

– Без проблем, – оборвал его на полуслове Самарин. – Вот твоя лицензия.

Рудницкий молча изучал официальный документ, с недоверием качая головой.

– Действительна год, – сказал он наконец. – В то время как в законе говорится, что такого типа сертификаты можно выдавать на срок не больше недели. И подпись! Вместо генерала Скалона тут подписал какой-то... граф Самарин, – закончил он тихо.

– Это важно? – буркнул россиянин. – Так или иначе, лицензия была выдана согласно с законом.

– И что ты хочешь взамен? – открыто спросил алхимик.

– За лицензию? Ничего. Она твоя без каких-либо условий. Скажем, что это компенсация за все те взятки, что ты вынужден был платить Круглову. Тем не менее есть несколько вопросов, которые мы должны обсудить. Важных вопросов.

– Важных для кого? – с раздражением буркнул Рудницкий. – Знаешь, до этого времени я не вмешивался в политику и не хочу это менять. Я не из тех, кто кидает бомбу в полицмейстера, но и с лоялистами мне не по пути.

– Важных для всех, – с нажимом ответил Самарин. – Для меня, для тебя, для русских и поляков. И если речь о тех же политических разногласиях, то я подозреваю, что скоро они утратят какое-либо значение.

– С чего бы?

Карета дернулась и остановилась, полковник выругался, вытирая с рукава алкоголь.

– Держу пари, он сделал это специально, – пробубнил он.

– Кто?

– Кучер. Никогда меня не любил. Когда я был маленький, он постоянно дергал меня за уши.

– Может, ты был непослушным? – предположил Рудницкий, пытаясь сдержать улыбку.

– Очень смешно, – сухо бросил офицер. – Давно бы вышвырнул его на улицу, но тетка не позволяет. Создается впечатление, что это ее забавляет.

Они вышли на улицу, Самарин держал бутылку коньяка. Карета остановилась точно напротив аптеки Рудницкого.

– Возвращайся к княгине, – велел кучеру офицер. – Холодно сегодня.

В его голосе не было гнева, только осторожная просьба.

– Как прикажете, барин, – рявкнул кучер, резко трогая.

Самарин беспомощно покачал головой: отъезжая, кучер обляпал его грязью.

– Я не негостеприимен, но должен зайти первым, – заявил Рудницкий.

– Естественно, мне отвернуться?

– Не нужно, – ответил алхимик.

Рудницкий открыл двери, вместе с поворотом ключа выполняя левой рукой какие-то сложные пасы.

– *Voilà!*

Самарин зашел следом и внимательно огляделся: помещение было заставлено стеллажами под самый потолок, за аптечным прилавком располагались застекленные шкафчики, заполненные таинственными препаратами. Стоял аромат трав, карболки и влажной земли.

– Идем наверх, – пригласил алхимик. – Что правда, мое жилище не напоминает комнаты, к которым вы привыкли, господин граф, однако...

– Тут есть еще какая-то защита? – прервал его Самарин. – Знаешь, магические ловушки и тому подобное?

– Зачем тебе знать? – осторожно спросил Рудницкий.

– Не хотелось бы поджариться, когда пну тебя под зад, – объяснил офицер. – У меня был тяжелый день, утро провел в комендатуре, имея дело с дураками типа почившего Круглова, потом меня терроризировал восьмидесятилетний кучер моей тетки, а сейчас пытается оскорбить польский алхимик. Лицензированный, – с сарказмом добавил он. – Самое время что-то с этим сделать...

Рудницкий пытался удержать серьезное выражение лица, но расхохотался.

– Я покажу дорогу пану графу, – сказал он, поднимаясь по ступеням.

Самарин выругался и последовал за ним.

* * *

Алхимик посмотрел на свет бутылку из темного стекла и, не обнаружив там алкоголя, со вздохом потянулся за следующей. Принесенный Самариным коньяк давно уже закончился.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросил россиянин.

Офицер говорил слегка невнятно, однако четкие движения говорили о том, что он все еще себя контролировал.

– То, что у нас будет похмелье, хотя все мои продукты многократно дистиллировались и...

– Я про анклав, придурок! Думаешь, вся эта теория мультивселенной чего-то стоит?

– А я знаю? Многие религии утверждают, что рядом с нами есть и другие вселенные. Индуизм, буддизм... Наверное, их больше, я не очень в этом разбираюсь.

– Ну, хорошо, пусть будут, но что с анклавами? Почему они появились именно сейчас?

– Черт знает, только ли сейчас. Мир полон мифов и легенд о магах, чудотворцах, контактах с потусторонним. Многие из них рассказывают о временах, когда по миру ходили боги и демоны. Может, это не первое проникновение?

– Сбрендил? Магия ведь не работает! Не работает, – возмутился офицер.

Рудницкий скривился, покатав стакан: они уже несколько часов как отказались от бокалов.

– Возможно, все те явления имеют такой же характер, как приливы и отливы. Понимаешь, наступает проникновение, и появляются у нас существа из других вселенных, вместе с магией, алхимией и черт еще знает чем. Вместе с ними появляются гримуары, алхимические трактаты, возможно, новые религии... Потом проникновение заканчивается, исчезает коридор, что соединяет нас с другими вселенными, и ученые констатируют, что никакой магии нет, а алхимия – это обман.

– Это можно использовать для нападения? Все эти алхимические ингредиенты и магию? По отношению к людям, ведь в фауне, что живет в анклав, у меня нет ни малейших сомнений.

– Откуда мне знать? Анклав появился только в прошлом году, не проводилось никаких исследований, а я всего лишь аптекарь.

– Олаф, ради бога! Я спрашиваю тебя как друг, а не как царский чиновник! Как ты думаешь, почему я позволил тебе оставить все те твои... трофеи? Не говоря уже про меч. Тебе показалось, что я не заметил, как ты его прятал? Я хочу только...

– Я тоже хочу получить ответ на несколько вопросов, – бесцеремонно прервал его Рудницкий. – До того, как отвечу на твои.

Лицо Самарина побавровело, было видно, что он не привык, что ему выдвигают условия, но в конце концов он гигантским усилием воли взял себя в руки.

– Спрашивай, – процедил он.

– Круглов – твоя работа?

– Моя.

Алхимик кивнул, как человек, подозрения которого подтвердились.

– Что происходит? Откуда такая паника? Ты же не случайно тут оказался...

– Тебе о чем-то говорит фамилия Блюх?

– Ты про Ивана Блюха³, того банкира и предпринимателя? Короля железных дорог? – Рудницкий поморщился.

– Именно.

– Так он же умер, кажется, в тысяча девятьсот втором.

– Конечно, однако перед смертью он издал книжку «Будущая война», – сухо проинформировал офицер. – В нескольких томах.

– Не слышал.

– Не ты один, – буркнул Самарин. – Хотя в свое время она наделала шума. Ваша Академия наук выдвинула его на Нобелевскую премию.

– Ну хорошо, и в чем дело?

– Приближается война, – устало произнес офицер. – Не какая-то банальная авантюра, а большой мировой конфликт. Не хватает только одного: предлога. Учитывая международную ситуацию, это вопрос месяцев, самое большее – года.

– Но...

Самарин остановил его, поднимая руку.

– Позволь мне закончить, – попросил он. – Все высшие чины, все эти старые пердуны верят в блицкриг, прирожденное превосходство собственной нации и не сомневаются, что Бог на их стороне. Книга Блюха – это единственный разумный анализ проблем будущей войны. К сожалению, малооптимистический. Массовые, насчитывающие миллионы солдат армии, огромные потери, возникающие в результате неспособности устаревшей военной доктрины адаптироваться к условиям современного поля боя, экономический упадок вследствие ведения

³ Иван Станиславович Блюх – (на польском Jan Bloch) – (1836–1902) русский банкир, концессионер железных дорог в Российской империи, меценат, деятель международного движения за мир.

длительных, изнурительных битв и возникающие из-за этого волнения в низших слоях общества... Волнения, угрожающие революцией. Это только некоторые проблемы, ожидающие нас. И если бы только это!

– Я не особенно интересуюсь политикой, но думаю, что проникновение уменьшило споры между мировыми державами, – отозвался с беспокойством в голосе Рудницкий. – Анклав – это проблема для всех...

Самарин выпил одним махом полстакана, вытер губы нетерпеливым жестом.

– Так это выглядело, – признал он. – Вначале... Некоторое время назад немцы и японцы начали эксперименты в своих анклавах. Это секретные проекты, хотя известно одно: они связаны с будущей войной. К тому же некоторые существа оказались на свободе, а в Москве убит начальник охраны. Не от пули или бомбы, а предположительно... – Офицер стиснул зубы, не закончив предложение.

Рудницкий проинформировал собеседника, что думает на тему смерти московского сановника, используя термины, обычно считающиеся оскорбительными. Спокойно и не повышая голоса, но с вызывающим блеском в глазах.

– А сейчас спроси меня, зачем тебе об этом волноваться? – произнес с каменным лицом Самарин.

Алхимик бросил на него гневный взгляд и вместо того чтобы продолжать дискуссию, занялся разливанием водки.

– Ну? – буркнул он через минуту. – Зачем?

– Потому что, если можно таким образом убить человека, у которого действительно хорошая охрана, тогда можно убить любого, – процедил россиянин. – И никто не может гарантировать, что магию будут использовать только террористы, нет, пардон, борцы за свободу. А что, если ее попробуют обычные преступники? Может, и на тебя когда-нибудь... – Самарин замолчал, заметив выражение лица поляка. – Они уже пробовали, правда?

– Месяц назад, – признался Рудницкий. – Вскоре после смерти дяди. Только это не бандиты.

– Как это не бандиты? Ты говорил, что не лезешь в политику. И что случилось с твоим дядей? Поскольку, я так понимаю, он не умер естественной смертью?

– Нет. Что случилось? Полковник Круглов, вот что случилось! Дядя наткнулся в анклав на что-то, за что убил бы каждый алхимик. Он хотел оставить его как депозит в сторожевой башне, но Круглов отказался. Потребовал взятку. Проблема в том, что дядя не имел при себе такой суммы, а тот из чистой вредности захотел оплату наперед. Ну и убили его «не идентифицированные преступники». По дороге домой.

– Олаф Арнольдович... – Самарин поднялся. – Мне очень...

Рудницкий остановил его вялым жестом.

– Успокойся, ты ни в чем не виноват, тебя тут не было. Вернемся к делу: я не знаю, кто конкретно пытался меня убить, однако это должен быть кто-то из моей сферы.

– Алхимик?

– Или маг.

– Почему?

– Дядя был библиофилом, владел несколькими редкими гримуарами. Тогда, перед проникновением, это не имело большого значения, сейчас совсем наоборот. Понимаешь, эти все магические учебники и алхимические трактаты содержат много ерунды. Лишь в немногих что-то существенное. Те, кто убил его, не только забрали... трофей, но и поняли, что дядя располагал некоторыми подсказками. Информацией, не доступной для других. Они хотели меня убрать, чтобы наложить лапу на собрания дяди.

– Каким образом?

– Каждый алхимик переписывает имущество на гильдию. Такое правило. И гильдия вступает в наследство, если у покойника не осталось наследников. А я единственный кровный родственник дяди.

– И что это за гильдия?

– «Серебряный замок».

– Это филиал «Северного ветра»?

Рудницкий кивнул.

– Что такого нашел твой дядя?

Поляк прикрыл глаза, казалось, что он задремал. Самарин терпеливо ждал, не нарушая тишины.

– Первичную материю, – наконец ответил он. – Любой алхимик отдал бы душу, чтобы ее добыть. Реализация извечных мечтаний человечества, таких как трансмутация или создание панацеи, возможны только с ее помощью. Это Святой Грааль алхимии.

– И что такое эта материя?

– На протяжении веков ее искали в воде, в завязях растений или животном мире. Но реальность оказалась менее сложной. Но одновременно очень сложной... Почти все в анклав содержит первичную материю. Однако преимущественно в небольшом количестве, это что-то, что позволяет нарушать действующие законы физики, но не отменяет их. Отсюда успех алхимии, отсюда магия. Но в анклав есть материя и в наичистейшем виде. Вот! Может, это даже больше, чем материя. Эта субстанция позволяет создавать настоящие чудеса. Одна из книг утверждает, что это из нее Бог создал первого человека.

– Из «земной пыли»? – удивился Самарин.

– Возможно, я же не теолог, – ответил Рудницкий. – Однако совпадения заставляют задуматься: некий Олимпиодор соединил что-то, что назвал «черная земля», с созданиями, прозванными как «*theokatáratos*», что переводится как «проклятые Богом». А в одном из текстов из собрания дяди говорится, что Бог создал не только Адама и Еву, но и... других существ. Тем не менее они выбрали зло и были прокляты. Только у них не забрали бессмертие, как у первых людей, а только изгнали.

– Поэтому...

– Вижу, ты уже догадался: да, эти демоны, или как их там зовут, это, собственно, и есть «*theokatáratos*». Их тела содержат не только элемент бессмертия, но и силу, которую можно создавать словом. Скорее СЛОВОМ. Актом воли. Потому мы выжили, потому оправились от ран, которые должны были убить нас в течение нескольких ударов сердца...

– То есть магия работает и без использования ингредиентов из анклава. Я сам видел, как...

– Естественно, – перебил его Рудницкий. – Однако это лишь маленькие трюки. Возможно, анклав образует что-то типа магнитного поля. Поля, которое влияет на законы нашей Вселенной. Так или иначе, об этом можно не беспокоиться. Другое дело, если в ритуалах используют элементы из анклава. Лишь они дают настоящую силу.

– А предметы? Например, этот меч?

Алхимик подошел к солидному настенному сейфу и после пары минут манипуляций с замком вытащил черный меч.

– Держи! – Он кинул его Самарину.

Офицер отскочил с проклятиями.

– Чокнулся? Я мог пораниться! Или отравиться.

– Не мог, – заверил его Рудницкий. – Возьми его за лезвие, – приказал он. – Ну, смелей.

Самарин осторожно дотронулся до лезвия, рассматривая его под лампочкой, наконец провел вдоль него пальцем.

– Это оружие тупое! – воскликнул он.

– Конечно, – кивнул алхимик. – Однако не совсем...

– Не понял.

– Идем со мной.

Мужчины спустились на первый этаж, и Рудницкий открыл двери во двор.

– Видишь ту перекладину? – спросил он.

– И что?

– Попробуй отрубить часть трубы.

– Смеешься? Она же толстая, как запястье мужчины. А если лезвие разлетится...

– Боишься?

Самарин гневно фыркнул и замахнулся, прикрывая глаза рукой. Черное лезвие разрубило толстую трубу, словно та была из фанеры, а не железа.

– Это невозможно!

– Возможно, возможно. Я говорил, что в контакте с первичной материей принимается во внимание намерение. Ты не хотел отрезать себе пальцы, поэтому лезвие стало тупым. А потом ты захотел что-то уничтожить.

Офицер долго разглядывал меч, несколько раз перекидывал его из руки в руку и снова разрубал железную трубу. Металлическая конструкция стала напоминать произведение абстрактного искусства, а не прозаичный инструмент для выбивания ковров.

– Значит, в анклав можно найти оружие, – сказал Самарин.

– В определенном смысле, хотя ты сам понимаешь, что это не вундерваффе⁴. Такой меч мог дать преимущество в Средневековье, а не сейчас.

– Возможно...

– Вернемся. – Рудницкий протянул руку за мечом.

Офицер отдал его с явной неохотой.

– Ты pomoжешь мне? – спросил он.

– В чем?

– В предотвращении экспансии анклава, в чем же еще? Поскольку я сомневаюсь, что мог бы убедить тебя работать на Его Величество. А может, все-таки?

– Правильно сомневаешься, – сухо ответил Рудницкий.

– Эта кровь, что мы выпили, не приведет к каким-то побочным эффектам? – поднял тему Самарин, когда они снова сели за стол.

– Откуда мне знать? Никто этого не исследовал. Мы будем первыми. Главное, что мы выжили.

Россиянин тяжело вздохнул. Выражение лица офицера говорило, что он не слишком доволен тем, что услышал.

– Ну что снова?

– Не знаю, обратил ли ты внимание, но у создания, что мы убили, кое-чего не хватало в анатомии...

– Чего, к чертям, не хватало? Что ты несешь?

– У него не было одной детали, очень важной для мужчины...

Рудницкий нахмурил брови, не понимая, в чем дело, а когда до него дошло, он расхохотался.

– Ваше благородие боится за свою мужественность!

– Очень смешно! – обиженно буркнул Самарин. – Некоторые из нас имеют личную жизнь.

– Изв... извини, – пробормотал алхимик.

– Вернемся к делу: как тебе мое предложение?

⁴ Wunderwaffe – (с нем. чудо-оружие) – термин, обозначающий совокупное название масштабных исследований, направленных на создание новых видов вооружения.

Рудницкий пожал плечами, болтая алкоголь в стакане.

– Не знаю, – искренне ответил он. – Я должен подумать. Кроме того, переезд в Москву...

– Какой переезд?

– Ну, ты говорил, что граница московского анклава была разорвана?

– Я говорил про убийство московского начальника охраны, – поправил Самарин. – Границу анклава нарушили в Варшаве.

– Как в Варшаве?! Я читаю газеты, и там не было...

– Взрыв газа в каменице на Волчьей, – прервал его россиянин. – Трупы лежали в луже крови, но вскрытие не выявило никаких ран. Чтобы замести следы и не вызвать панику, здание взорвали. Поэтому меня вызвали из Петербурга.

– Что со стеной? – быстро спросил Рудницкий. – Все серебряные прутья соответствующей пробы и все на месте?

– Естественно, – хмуро ответил Самарин. – Даже такая гнида, как Круглов, не отважился их трогать.

– Невозможно! До этого времени серебро всегда было непреодолимым барьером!

– Ну да, невозможно, но случилось.

Алхимик вскочил на ноги, открыл окно и помассировал виски.

– Черт его побери! Не могу думать после выпивки! Если демоны вырвались на свободу, нужно предупредить людей!

Самарин скривился, услышав «демоны», но не стал протестовать.

– Не бойся, предупредим, – буркнул он. – Если в течение недели не уладим это дело, генерал-губернатор введет чрезвычайное положение.

– Вы исключили все естественные причины? То есть не естественные, но не связанные с анклавом? Газ, яд...

– А как же. Поверь, мы это проверили в первую очередь. Полиция обычно ищет преступников среди людей, а не демонов. Псевдодемонов, – исправился Самарин, игнорируя ироничную улыбку алхимика. – Ну что? Поможешь мне или нет?

Рудницкий сел на подоконник и подставил лицо холодному вечернему ветру. Они проговорили почти весь день.

– Ты же понимаешь, что это может плохо закончиться? – спросил он, глубоко вдыхая.

– Что конкретно?

– Это наше... сотрудничество. Как на это ни смотри, мы по разные стороны баррикады. Нет! – Он поднял руку. – Позволь мне закончить. Конечно, у нас общая цель: защитить границы анклава. Но что потом? Ты ступаешь по острию бритвы. Представь себе, что бы сказали твои подчиненные, если бы узнали, что ты позволил мне оставить меч. Ты же не заберешь его, правда?

– Не заберу, – признал Самарин, закусив губу. – Только знаешь что? Я доверяю тебе. Там, в анклав, ты мог привести нас к чудищу и вмешаться только тогда, когда б мы его ранили. Тебе бы не понадобилось мое разрешение, поскольку трупы не могут протестовать. Потому я верю, что, если наши дороги разойдутся, ты просто скажешь мне. Я обещаю то же самое. Ну так что?

– Я же сказал: надо подумать, – после короткого замешательства ответил алхимик. – Дай мне немного времени.

– До послезавтра? Не хочу на тебя давить, но у меня нож у горла.

– Договорились, – пообещал Рудницкий. – А теперь, вашблагородие, принесите следующую бутылку, а то я немного не того... Да, из того шкафчика. Темное стекло. Те, слева не трогай. Это для потенции.

* * *

Рудницкий прислонился горящим лбом к большой банке с квашеными огурцами и тихо застонал. В это утро он все делал медленно и тихо, жизнь не подготовила его к последствиям такой мощной попойки. Горечь алхимика усиливало осознание того, что он страдает один: Самарин храпел в его кровати.

Еще одним тревожащим его вопросом было предложение россиянина. Рудницкий вздрогнул от мысли, что вынужден будет снова посетить анклав, и это не из-за нескольких алхимических ингредиентов. Если бы только это! Не было сомнений, что Самарин попросит помощи также и в деле рыскающих на свободе бестий. Между тем сама идея снова столкнуться с фауной анклава вызвала в нем дрожь. «Не все могут быть героями», – подумал алхимик со злостью.

Грустные размышления были прерваны звуком тяжелых шагов, похоже, его домработница пришла на работу. Писклявый мальчишеский голос свидетельствовал, что пришла с малолетним сыном. Рудницкий закусил губу, в этот момент он бы хотел, чтобы Оконёва забыла про свои обязанности. К сожалению, сорокалетняя крепкая баба из-под варшавской Зеленки была такой же неуклюжей, как и добросовестной. Ну и, в конце концов, он ее нанял не из-за интеллектуальных качеств...

– О, Иисусе милосердный! – Женщина заламывала руки, остановившись на пороге. – Нажрались! – добавила она осуждающим тоном.

– Не могли бы вы говорить потише? – попросил Рудницкий.

Он не пытался оправдываться: колоннада пустых бутылок и царящий в квартире бардак говорили сами за себя.

– Алкоголикам всегда громко, – прокомментировала она хмуро. – И хуже тем, кто напивается один. И со стакана. Божья милость!

Рудницкий через силу сконцентрировал зрение – на столе стоял только один стакан. Похоже, россиянин свой забрал в кровать.

– Марек, – сказал он хриплым голосом сыну Оконёвой, – сбегай в книжный Шиллера в Новом Свете и купи мне книгу Ивана Блюха «Будущая война». Все тома. Запомнил? Иван Блюх.

– А что там запоминать? – шмыгнул веснушчатый носом мальчик. – Блюх, «Будущая война». А на конфеты дадите? – спросил он хитро.

– Дам, но как вернешься. А сейчас держи, – алхимик протянул пять рублей.

Золотая монетка исчезла в не слишком чистой ладошке, и Марек побежал к дверям.

– Только бы покупать книги, – пробубнила женщина. – И пить. Чё такое?

– Я бы попросил вас потише, – застонал Рудницкий. – И не убирайте в спальне, чтобы не разбудить их благородие.

– Какое снова их благородие? – перепугалась домработница. – Это ж из господ? Тот, кто пьет кровушку из работников и девушек соблазнять?

Алхимик поднял банку и сделал несколько глотков кислого, освежающего рассола.

– Какое их благородие? Нормальное, русское. Вижу, вы снова читали социалистические листовки и дешевые романы, – заметил он. – Стыдно! А в костеле говорили, что нужно остерегаться красной чумы... И в кого же в этот раз влюбился прекрасный принц? Нет, не говорите! Я сам угадаю. В служанку!

– Не в служанку, а в дочь бедной вдовы, – с обидой в голосе ответила женщина. – А благородий я боюсь. И моя нога не появится в этом доме, пока благородия тутай будут!

Рудницкий прикрыл глаза, пытаясь игнорировать грохот в висках. Несмотря на все недостатки Оконёвой, она была кристально честна, чего не скажешь об остальных, нанятых еще его

дядей. А сейчас, больше чем когда-либо, он не мог себе позволить незнакомых людей в доме. Уборка предполагала слишком много возможностей для кражи.

– Он не из таких благородий.

– То есть не такой плохой? – неуверенно спросила женщина.

– Угу, – кивнул алхимик. – Да и немного в нем того благородия. Понимаете, благородия бывают разные, большие и маленькие. Он не из тех самых больших, что пьют кровь пролетариата.

– Это как с собаками? – спросила домработница. – У доктора Роттера борзая, а у пани Гуркевич карликовый пинчер.

– Именно так, – похвалил ее алхимик. – Это такой карликовый пинчер среди благородий...

– Ну тогда не большая он шишка, – с облегчением признала Оконёва. – Тогда я поубираю.

* * *

Рудницкий нетерпеливо перевернул следующую страницу, скользнул взглядом по графикам и таблицам. В отличие от других авторов, пишущих на военные темы, Блюх не подчеркивал своих знаний, не излучал уверенности в себе, подавал только данные. Сухие, точные, устрашающие...

«Постоянное соперничество держав в вооружении, благодаря которому война даже во время мира разрушает народы, чем дольше продолжается, тем больше становится обременительной, предоставляет материал для общественного брожения, способствует развитию революционных течений, которые продолжают действовать в Западной Европе».

«Не только в Западной», – подумал алхимик. «Революционных течений» хватает и в Восточной: эсеры, анархисты, большевики...

«Однако из всех этих орудий смерти всплывает мысль, утешающая человечество: может быть, когда-нибудь наука изобретет устройство настолько ужасное, настолько устрашающее, настолько шокирующее человеческое существо, что всякая битва станет тщетной».

Точно! И однажды солнце встанет на западе. Если война неизбежна, как утверждает Самарин, то анклав станет для военных бо́льшим искушением, чем магазин игрушек для маленьких мальчиков. И рано или поздно кто-то додумается, как использовать первичную материю в военных целях. И тогда даже кровавые видения Блюха станут сказками для воспитанных детей.

«Нет выхода, надо помочь Самарину», – решил он. Ведь если упадут окружающие анклав барьеры, а генералы начнут играть с первичной материей, никто не будет в безопасности. Никто и нигде...

Глава III

Александр Борисович Самарин стоял перед большим настенным зеркалом. Обнаженный торс мужчины был залит потом, а грудь и плечи красовались старыми шрамами. На правом плече офицера виднелось серебряное пятно в форме двуглавого орла.

– Что за чертовщина? – пробормотал он.

– Я бы тоже хотел знать. – Матушкин отложил саблю на тренировочную стойку. – Это не шрам, не татуировка. У меня что-то подобное на ключице, только Батурин легко отделался.

– Оно меняется, – сказал Самарин. – Вчера напоминало голову змеи.

– Может, барин Рудницкий знает?

– Возможно. Господин алхимик вообще много чего знает. Больше, чем должен.

Матушкин подал ему бокал шампанского на подносе и тарелочку с только что вынутой из магического пакета клубникой, и подождал подходящий момент.

– Заняться им?

– Ни в коем случае! Наблюдать, и все. Как там Батурин?

– Ноет. Врач говорит, что он и так выздоравливает слишком быстро, но сейчас еще должен лежать.

– А ты?

Матушкин подошел к зеркалу и равнодушно пожал плечами. Через лоб и щеку солдата пролегал красный, опухший шрам.

– Не буду уже таким красивым, – сухо произнес он.

– Когда снимают швы?

– Послезавтра.

– Ты выяснил, кто пытался убить Рудницкого?

– Нет, не до конца. Это довольно скрытное общество. Все эти маги и алхимики.

– Какое общество?

– Прошу прощения, ваше высокоблагородие, забылся, – быстро произнес Матушкин. – Я хотел сказать, что трудно из них хотя бы что-то вытащить.

Самарин, ничего не сказав, отправился принять душ. Спортивный клуб для офицеров варшавского гарнизона был одним из самых современных во всей Империи: тренажерный зал, боксерский ринг, татами для джиу-джитсу, фехтовальный зал, тир, сауна. Да-а-а, в Варшаве жилось совсем не плохо. Ну и ничего странного, не просто так ее называли «третьей столицей»...

Алхимик... Самарину почти сразу понравился Рудницкий. Это не изменяет факт, что верность Рудницкого Империи была проблематичной. Очень проблематичной. Но что касается личной лояльности Самарин не имел ни малейших возражений: Рудницкий доказал, что ему можно доверять, еще в анклав. Хотя нельзя отрицать, что бросить «русских» на произвол судьбы очень облегчило бы ему жизнь. К тому же алхимик знал анклав лучше, чем любой магистр гильдии. И может, неохотно, однако он делился знаниями. Это все делало его очень ценным, особенно принимая во внимание миссию Самарина. Наконец, офицер, как и большинство солдат, был немного суеверным. А не судьба ли поставила поляка на его пути? Ведь только благодаря ему они вышли из анклава живыми. Нет, решил он, никто не будет «заниматься» Рудницким. Даже если отец алхимика принимал участие в печально известном бунте в тысяча восемьсот шестьдесят третьем...

* * *

Самарин прищурил глаза: некоторые улицы Варшавы были освещены электрическими фонарями. Их неприятный яркий свет напоминал пропущенное через кусок грязного льда солнечное сияние. Он ослеплял. Пусть и на мгновение. Чтобы убить, достаточно и секунды. Ну, может, две...

Шаги за спиной означали, что за ним следят. Характерный стук металла о мостовую доказывал, что таинственный преследователь носит подкованные сапоги. Значит, любитель, это хорошо. А если так, то он точно не один. Местные бандиты никогда не действовали в одиночку – это слишком рискованно. К сожалению, существовал еще один вариант: возможно, речь идет вообще не о грабеже. Что проще, чем нанять несколько местных головорезов? И проверить, кем в действительности является некий Александр Борисович Самарин? Или просто убить подозрительного залетного из Петербурга. Нет человека – нет проблемы...

Офицер свернул на Школьную, направился в сторону небольшого сквера. Если кто-то захочет на него напасть, то только там. На ходу он расстегнул пуговицы длинного до щиколоток плаща, слегка повернул набалдашник трости. Он сомневался, что нападавший или нападавшие воспользуются огнестрельным оружием недалеко от центра города. Слишком много патрулей.

Когда он ступил на засаженную деревьями аллею, от ствола огромного каштана отделилась долговязая тень. Через мгновение к ней присоединилась еще одна: засада.

Лязг складного ножа говорил о том, что это не уличное ограбление, никаких требований, команд или угроз. Только смерть.

Самарин молниеносно вытащил из трости шпагу и заколол нападавшего, после чего, не обращая на него внимания, – со временем учишься различать смертельный удар – стегнул следующего по запястью. Тот выругался и полез в карман. Офицер ударил его коварным пинком под колено и оглушил массивной рукоятью.

Последний, тот, что в подкованных сапогах, не удивился. Ему удалось вытащить собственную шпагу и занять фехтовальную позицию.

– En garde! – прошипел он с иностранным акцентом.

Самарин прощупал его быстрым выпадом, но вынужден был отступить, поскольку причина от обороны сразу же перешел в наступление с невероятной, почти сверхъестественной скоростью. Через минуту офицер увеличил дистанцию, отбивая все более жестокие атаки противника. Скорее всего враг решил, что превосходит россиянина в мастерстве. Возможно, так и было. Но он бился по правилам поединков, а Самарин не собирался следовать джентльменским принципам.

Офицер избежал удара противника и сделал обманный выпад, провоцируя мужчину к контратаке, после чего схватил за лезвие ладонью в перчатке. Нападающий попытался вырвать шпагу из захвата, но было поздно: клинок Самарина уже достал его сердце.

Еще минуту офицер прислушивался, не слышно ли шагов в темноте, но ночь молчала, опасность миновала.

Самарин обыскал трупы и при свете спички осмотрел документы убитого: паспорт выдан на имя де Рюйтер. Россиянин засомневался, что оно настоящее. Следующий труп не имел при себе ничего, кроме оброненной монетки, а последний, оглушенный, как раз поднимался на колени.

– Кто ты? Кто вас нанял? – рявкнул Самарин.

Тот сжал зубы и затрясся, безуспешно пытаясь унять дрожь.

– Отвечай! – офицер ткнул его шпагой в шею.

– Да кто ж тебе скажет! – прохрипел язвительно противник.

Самарин пнул его в живот, но опоздал на удар сердца. Мужчина успел разгрызть капсулу с ядом. Судороги, пена изо рта и запах горького миндаля – цианистый калий.

– Вот черт, – проворчал Самарин.

Это не могли быть обычные бандиты, те никогда бы не покончили с собой. Применение яда говорило об огромной дисциплине, характерной исключительно для шпионов высшей категории. «Еще одна проблема», – устало подумал офицер. Еще одна держава присоединилась к игре.

* * *

Несмотря на поздний час, окна неоготической каменицы, принадлежавшей тетке Самарина, были освещены множеством свечей. Княгине не нравились новомодные изобретения типа газовых ламп, не говоря уже об электрических. Единственной новинкой, о которой она говорила с признательностью, был телефон, благодаря которому она терроризировала семью и друзей.

Самарин отдал плащ и шляпу дворецкому и направился в салон. Он замер перед дверями, остановленный властным жестом доверенного княгини. Похоже, ему надоело играть роль кучера, и сейчас старик развлекался ролью майордома.

– Что опять? – гневно спросил офицер. – Скучно стало?

Старик, одетый в изысканную ливрею, красноречиво коснулся своего запястья. Самарин посмотрел вниз – на его манжете было кровавое пятно.

– Позвольте, барин, – буркнул майордом, щелкнув пальцами.

Тут же вырос, как из-под земли, молодой слуга с безукоризненно белой рубашкой.

– Накрахмаленная, – обреченно произнес офицер. С детства ненавидел жесткие воротнички.

– Слегка, – заверил его старик с фальшивой улыбкой.

Самарин застегивал пуговицы, стараясь не обращать внимания на тот факт, что накрахмаленная рубашка скрипела при каждом движении. А воротничок давал меньше свободы, чем собачий ошейник.

– Вы довольны, Иосиф Андреевич? – спросил он с укоризной. – Тетя у себя?

– Ожидают в салоне, – проинформировал слуга, полностью проигнорировав первый вопрос. – И не сутулься, прохвост!

Самарин резко выровнялся, словно ему снова было семь лет, а Иосиф Черский давал ему первый урок фехтования. Офицер до сих пор не знал, кем для тетки был этот мужчина, притворяющийся слугой, но из весьма смутных воспоминаний, которые себе позволяла время от времени Ее Светлость, он пришел к выводу, что Черский появился в ее жизни во время последнего польского бунта, когда Мария Павловна Волконская была еще молодой. С того времени она безгранично доверяла ему и, надо признать, никогда не разочаровалась в его преданности. Как и Самарин.

– Тетя Мария... – офицер поцеловал руку старой женщины.

Княжне недавно исполнилось семьдесят лет, но она не выглядела на свои годы: стройная, изящная, с еще привлекательными чертами лица, напоминающими о былой красоте. Судя по портретам – ошеломляющей красоте.

– Сашка, негодник! Где тебя носило?

– Тут и там, – загадочно ответил офицер.

Княжна понимала, что внук вынужден умалчивать определенные вещи, но он никогда не врал ей.

– Совсем забыл старую тетушку!

– Скажете тоже! Тетушка, вы выглядите с каждым разом моложе...

– Лытец! – Старишка легонько ударила его веером. – Ты не пришел на бал, – добавила она с укором.

– К сожалению, не мог, но сейчас восполню это, – заверил он.

– В смысле?

– Я хотел попросить вас, тетюшка, организовать маленький раут.

– Раут? С каких пор тебя привлекают такие развлечения?

– Не привлекают, но нужно разузнать... ситуацию. Поэтому я бы хотел, чтобы вы пригласили несколько нужных людей. Не знаю, придут ли они, поскольку это очень специфические люди, однако...

– Никаких певичек и танцовщиц! – предупредила княжна. – И что значит «не придут»?! Ко мне?

Офицер с трудом удерживал серьезное выражение лица, княжна была невероятно чувствительна на пункте своего общественного положения. И правда, вероятность того, что кто-то отклонит ее приглашение, равнялась нулю. Ну, может, за одним исключением.

– Никаких танцовщиц! – сразу пообещал он. – Только серьезные люди. Несколько магов и алхимиков. Местные сливки общества. К тому же некий Олаф Рудницкий, но с ним могут быть проблемы...

– Поляк?

– Да, однако дело не в национальности. Это гордый человек, боюсь, он может принять приглашение за проявление... как бы это сказать? Благодарности. И вежливо его отклонить. Но мне очень нужно его присутствие.

– Благодарности? И за что? – Старишка нахмурила брови. – Не знала, что у тебя есть какие-то знакомства в Варшаве?

– Это очень свежее знакомство. Короче говоря, господин Рудницкий спас мне жизнь. Несколько дней тому назад в анклав.

– Господи, что ты там делал?!

Самарин развел руками в многозначном жесте, но видя, что тетка и дальше ожидает пояснений, неохотно ответил:

– Это одно из тех дел, о которых я не могу говорить.

– А, из тех... – Княгиня неодобрительно поджала губы. – Ну хорошо, расскажи мне о своем друге. Как я понимаю, мне придется пригласить его лично.

– Боюсь, что именно так. Он шляхтич, на гербе ястшембец, не знаю, что он делал раньше, но где-то с пару лет занимается алхимией. Содержит аптеку. Из того, что я понял, дела идут успешно.

– Ястшембец... – задумчиво произнесла княгиня. – Интересно. Самарины тоже имели ястшембец на гербе от польской шляхты, хотя со временем претерпели значительные изменения в геральдике.

– Да, я знаю, – признал офицер. – Потому я называю его кузеном. О нет! Не бойтесь, он точно не будет претендовать на звание нашего кровного родственника. Это только шутка. А господина Рудницкого не особо волнуют люди с высоким социальным статусом. Случайно я подслушал, как он объяснял своей служанке, какое место я занимаю среди аристократов.

– В смысле? Граф Самарин...

– Вы не поняли. Он сравнил меня с карликовым пинчером...

– Что?!

Старишка ошарашенно уставилась на внука: мужчина веселился, но она не сомневалась, что в любой другой ситуации он бы воспринял ситуацию как оскорбление и отплатил бы шутнику чем-то большим, чем пощечиной.

– Понимаете, тетушка, он не хотел меня обидеть, а только успокоить служанку. Он не знал, что я подслушиваю. К тому же, боюсь, титул моей тетушки его не сильно впечатлит, а вот улыбка...

– Лысец! – повторила старушка. – Нечто такое могло быть правдой лет сорок, хотя нет, лет тридцать назад, но не сейчас.

– Ну почему же!

– Расскажи про него еще, – попросила она. – И самое важное: как он выглядит?

– Ну... – неуверенно начал Самарин. – Средний рост и фигура. Лицо... ну я не знаю... тоже среднее...

– Сашка!

– Ну правда, я его специально не разглядывал. Может, вы спросите меня про цвет глаз господина Рудницкого?

– Спорим, если бы речь шла про экзотическую танцовщицу, ты бы запомнил не только цвет ее глаз, а и размер бюста, – съязвила княгиня.

– *Touché!* – завопил Самарин, схватившись за сердце. – Как вы меня хорошо знаете...

– Знаю, знаю, негодник! Ну хорошо, расскажи про пинчера.

Самарин передал подслушанный разговор, идеально имитируя голос и акцент Оконёвой. Через минуту княжна смеялась до слез.

– Интересный молодой человек, – признала она, вытирая глаза платочком. – С удовольствием приглашу его лично.

* * *

Самарин пригубил бокал *Grande Cuvée* – тетка заказывала только наилучшие сорта шампанского – и оглядел салон: на вечеринке присутствовали тридцать человек. Ни много ни мало, в конце концов, это не танцевальная вечеринка, где толпа подтверждала социальное положение хозяев. Дамы в вечерних платьях, господа в элегантных фраках или мундирах с орденами. Ну и алхимики. Лысый, ужасно худой и бледный, напоминающий живой труп Марковский, магистр гильдии Серебряного Замка, и господин Потурин, представитель Северного Ветра прямо из Петербурга. Этот был упитанным, с густыми усами, потому напоминал старого моржа.

Рудницкий, о чудо, держался на расстоянии от коллег по отрасли и делил внимание между бывшим советником Шуваловым и несколькими молодыми и симпатичными девушками. Они выглядели как только что окончившие Институт Благородных Девуш... Хотя не исключено, что именно так и было: княжне нравилось играть роль свахи. Самарин только надеялся, что объектом манипуляций является Рудницкий, а не он сам...

Притворяясь ординарцем, Матушкин, подсунил ему поднос с закусками. Щедро заставленный поднос. Поскольку никто не брал у него закуски, так как шрам отпугивал гостей.

– Вы должны проследить за кузеном, ваше высокоблагородие, – прошептал солдат. – Кажется, он обратил на себя внимание всех присутствующих дам, и это не нравится некоторым офицерам.

Самарин кивнул и ленивым шагом направился к собравшейся вокруг алхимика группе. К своему удивлению, он заметил, что к словам Рудницкого прислушиваются не только молодые девушки, но и несколько зрелых дам, включая княжну.

– Что вы думаете про мой браслет? – спросила высокая стройная блондинка не старше двадцати лет.

Рудницкий оглядел золотое, усыпанное драгоценными камнями украшение и с улыбкой вернул его хозяйке.

– Все согласно с правилами, мадемуазель, – заверил он. – Тут правильное сочетание сапфира и опала. Оба камня принадлежат к планетарному хору. Ну и сапфиры подходят к вашим глазам, – добавил он любезно.

Девушка захихикала, прикрывая лицо веером.

– Господин Рудницкий, прошу, расскажите нам что-то еще, это очень интересно, – попросила княгиня.

– Согласно старым трактатам, дорогие камни связаны со звездами и планетами, и для украшений мы используем силы, которые они представляют. Однако существуют определенные ограничения. Можно их соединять между собой только в соответствии с правилами.

– И какие это правила?

– Они очень сложные, – признался алхимик. – Поскольку, кроме общих принципов, нужно принимать во внимание индивидуальные особенности, например, знак зодиака, возраст и даже семейное положение особы, которой мы дарим украшения. В основном существует три хора: планетарный, звездный и земной. Нельзя сочетать камни из разных хоров, за исключением жемчуга, который принадлежит к земному хору и может сочетаться с бриллиантами.

– Очаровательно! – воскликнула толстая матрона под пятьдесят. – Значит, возможно, я годами носила украшения, которые приносили мне неудачу?

– Не совсем, мадам. Негативное влияние драгоценных камней началось с прошлого года. С момента появления анклава. Раньше это были только безобидные суеверия.

– И мы теперь должны верить в сказочки про магию драгоценных камней? – фыркнул высокий мужчина в мундире майора.

– Не во все, это точно. Большинство из них – это бред. Но кто знает, какие именно воспринимать серьезно. Однако среди магов и алхимиков существует мнение, что лучше не испытывать судьбу, нося несовместимые драгоценные камни.

– А какие украшения вы посоветовали бы для замужних? – кокетливо спросила какая-то из дам.

– Только рубины, мадам. С давних пор считается, что ношение рубинов способствует верности и постоянству чувств. К рубинам подходят опалы, аметисты, бирюза, сапфиры и бриллианты.

Через минуту столик, за которым сидел Рудницкий, напоминал прилавок ювелира: большинство дам хотели знать мнение алхимика о своих драгоценностях. Их мужья следили за этой суматохой с неприкрытым беспокойством – не нужно быть ясновидцем, чтобы предвидеть, что негативная оценка может иметь далеко идущие последствия для семейного счастья и мужниных кошельков...

Тем временем разгневанный холодной отповедью майор направился к буфету. Большинство военных двинулись за ним. Самарин без удивления заметил, что они собрались возле вазы с пуншем. Похоже, они воспринимали алкоголь как обезболивающее. К сожалению, большинство из них были уже подшофе, так что еще бокальчик – и начнутся проблемы. Матушкин, слоняющийся между офицерами, подозвал Самарина едва заметным жестом.

– ...от них вечные проблемы, – разглагольствовал майор с красным лицом. – Что не восстание, так требования большей автономии. А этот алхимик выглядит подозрительно. Хорошо, если ничего не потеряется после этого сеанса, – язвительно добавил он.

Спутники грубияна, кроме щуплого капитана с седыми волосами, разразились одобрителем смехом. Капитан смерил майора презрительным взглядом, но удержался от комментариев.

– Господа офицеры... – негромко произнес Самарин.

Хоть и в гражданской одежде, он без труда привлек внимание присутствующих. Несколько военных вытянулись почти по стойке смирно, другие стали серьезными, и только виновник этой шумихи смотрел на него исподлобья.

– Еще один чертов гражданский, – пробубнил он. – В чем дело?

– Ну... – прикинулся задумавшимся Самарин. – Коротко говоря, мне не нравится ваше поведение, майор. Я не люблю мужчин, которые не умеют пить, а также нахалов и дураков, и все эти термины точно описывают вас. Мне объяснить, или и так понятно?

На лице майора появилась самодовольная ухмылка, он принял Самарина за легкую жертву.

– Может, вы сначала представитесь, – предложил майор. – Вы понимаете, что бросить вызов можно только аристократу, а буржуазное быдло я просто бью по морде.

– Господин майор! – попытался его утихомирить капитан. – Так нельзя! Княжна не пригласила бы особу, недостойную уважения.

– Но этот алхимик здесь! – возразил мужчина. – Я жду! – кинул он Самарину.

– Александр Борисович Самарин. – Полковник слегка кивнул.

– Родственник княгини?

– Она моя двоюродная бабушка. А сейчас ваша очередь представляться.

– Завьялов Николай Сергеевич. И, ради уважения к нашей хозяйке, позвольте принести свои извинения.

– Боюсь, это невозможно, вы оскорбили моего друга, господина Рудницкого. К тому же благодаря таким, как вы, нас, русских, считают хамами и дураками.

Завьялов стиснул зубы и вылил на Самарина остатки пунша в бокале. Полковник молча вытер лицо, стараясь не выказать удовлетворение. Было очевидно, что рано или поздно кто-то попытается убить Рудницкого, хотя бы потому, что тот не хранит тайны анклава. Все другие алхимики или мало знают, или не собираются делиться информацией. А Самарину требовалась каждая крупинка знаний. В этой ситуации нужно было преподать урок всем нынешним и будущим врагам Рудницкого. Суровый урок. А также удивляло поведение и самого Завьялова: если бы майор был пьяницей и хамом, княгиня никогда бы не пригласила его. И она жила довольно долго в Варшаве, чтобы ориентироваться в ситуации. Так что либо у него был плохой день, либо он выполнял задание. Задание, заказанное кем-то, кто очень хочет, чтобы секреты варшавского анклава не вышли наружу...

– Мои секунданты придут утром, – холодно проинформировал он.

– Ох, решим как-то, – пробормотал Завьялов. – А тем временем, раз я все равно ругаюсь с княгиней, я выскажу алхимику все, что о нем думаю.

Самарин вздохнул и дал пощечину майору.

– А теперь, наконец, я привлек ваше внимание? Прежде чем вы что-то кому-то выскажете, я требую от вас сатисфакции. Вы меня хорошо поняли?

Завьялов замахнулся кулаком, но два офицера схватили его за руки.

– Не здесь! И не сейчас! – резко кинул седой капитан.

– Значит, утром, – процедил сквозь зубы майор.

– Господа? Что тут происходит? – властно спросила княгиня. Очевидно, стычка привлекла ее внимание.

– Небольшое недоразумение, тетушка. Господин майор уже уходит. Понимаете, похоже, ему не пришелся по душе этот отличный пунш.

– Княгиня... – поклонился Завьялов.

Через секунду они остались одни, майор вместе с большинством офицеров оставил салон.

– Александр Борисович! – зловеще произнесла княгиня.

– Ничего серьезного, – примирительно ответил Самарин. – Майор перебрал алкоголя и начал шуметь. Я решил вмешаться, до того как другие гости заметят, в каком он состоянии.

– Перебрал с алкоголем? Никогда не слышала, чтобы он напивался. Или шумел. Будь осторожен, Сашка. Завьялов считается первоклассным фехтовальщиком и отличным стрелком.

– Буду, однако не думаю, что до этого дойдет, он извинится, как только протрезвеет, – соврал Самарин. – Кто бы хотел обидеть самую прекрасную княгиню в стране?

– Так или иначе, будь осторожен, – повторила она, игнорируя лесть. – У меня только один внук.

* * *

Самарин допил утренний кофе, взял еще одну газету из аккуратно сложенной стопки. Он невольно улыбнулся, читая объявления.

– Послушай, – кинул он Матушкину. – «Две молодые шалуньи познакомятся с такими же господами для совместных шалостей. Объявление под «Близнецами». Как тебе?

– Эти женские фантазии! – тоскливо вздохнул солдат. – Сразу видно, что это Варшава... Идут! – добавил он уже совсем другим тоном.

– Наконец-то, – буркнул полковник. – Я думал, что буду ждать до полудня.

Согласно правилам прошлого века секунданты двух сторон должны встретиться в течение двадцати четырех часов. Несмотря на то что дуэли считались незаконными, участники почти всегда могли рассчитывать на милость царя. Командиры подразделений, в которых служили дуэлянты, отправляли информацию о поединке в Министерство войны, а оттуда они непосредственно попадали к императору. Более того, уклонение от поединка приводило к немедленному увольнению из армии. Завьялов не имел выбора...

– Капитан Адам Варецкий и поручик Сергей Будаков, – представил Матушкин.

Самарин поднялся из-за стола и поздоровался с прибывшими легким кивком.

– Вино или коньяк? – предложил он.

– Спасибо, – ответил седой капитан. – К сожалению, дело, ради которого мы пришли, исключает приятельские посиделки.

– Я вас слушаю.

– Я так понимаю, что полюбовного решения спора не предвидится? – спросил Варецкий.

– Естественно, – подтвердил Самарин. – И с чего это странное предложение? Это было серьезное оскорбление. Я не совсем понимаю, почему вы, господа, настояли на том, чтобы встретиться со мной, а не обсудить условия поединка с моими секундантами?

– Мы надеялись прийти к пониманию. Прежде всего, – вступил в разговор Будаков, – вы правы, полковник. Обе стороны были серьезно оскорблены, и дуэль неизбежна, однако у вас двоих безупречная репутация, и никто бы не обратил... Простите, не упрекнул... – Он замолчал, не зная, как закончить предложение.

– Я надеюсь, что вы не предлагаете мне согласиться на одну из тех штук для трусов? – зловеще спросил Самарин. – Как, например, максимальная дистанция или меньше пороха?

– Скажете тоже! – вяло запротестовал Будаков. – Нашей обязанностью было убедиться, что никакие соглашения невозможны.

– Будьте уверены, – сухо ответил Самарин. – А сейчас...

– С вашего позволения, – остановил его Варецкий. – Еще один вопрос. Коль мы уже говорим...

– Ну?

– Это правда, что майор Завьялов вел себя, по меньшей мере, невежливо, а его поведение по отношению к вам носит характер серьезного оскорбления, однако ваша реакция кажется слишком преувеличенной. А в отличие от Завьялова, вы не были пьяны. Я понимаю, что вы вмешались на правах кровного родственника княгини, однако ваше возмущение было несоизмеримо с ситуацией. В конце концов, кого волнует какой-то алхимик? Почему...

– Кажется? – прервал его Самарин. – Могу я уточнить кому? И почему это должно волновать меня?

– Нам, офицерам гарнизона, – пояснил капитан, не отводя взгляд. – Конечно, вы не обязаны давать мне какие-либо объяснения, однако я считаю, что это бы способствовало улучшению атмосферы, а может, даже успеху вашей миссии. Вы же не оказались тут случайно. Никто из нас, и Завьялов тоже, не знал, что вы офицер Конвоя. А это означает только одно: вы выполняете задание особой важности.

Самарин кивнул. Варецкий был прав – не было смысла вступать в конфликт с местными офицерами. Кто знает, чем он мог бы закончиться? Возможно, раньше или позже, но ему понадобится их помощь.

– Я принимаю этот аргумент, – сказал он. – Я лично заинтересован в добром имени господина Рудницкого. Прежде всего потому, что он мой родственник. Что правда, очень далекий, однако... – Он развел руками.

– Сейчас я понял, – сказал Будаков. – Никто вас не винит, кровь не водица.

– Но это еще не все.

– Мы слушаем.

– Недавно я был в анклав. Рудницкий спас мне жизнь. Как и моим солдатам.

– Алхимик?! – воскликнул с недоверием капитан.

– Он прежде всего шляхтич и отважный человек, – заявил Самарин.

– Ваш ординарец тоже там был, – догадался Будаков. – Оттуда эта рана?

– Именно. Наконец, меня возмутило, что моего кузена оскорбил именно офицер гарнизона.

– Я не совсем понимаю...

– Мы все обязаны Рудницкому вечную благодарность.

– И почему это? – Варецкий нахмурился. – Я познакомился с ним только вчера.

– Какая у вас смертность в гарнизоне? – ответил он вопросом на вопрос. – Я про патрули.

– Конечно же, она выше, чем в других анклавах, видимо, этот варшавский является особенным.

– Если бы, – возразил полковник. – Особенным был только интендант. Господин Рудницкий обнаружил, что Круглов фальсифицировал сплав серебра, что используется в боеприпасах. Понимаете: содержание серебра было ниже нормы. Поэтому гибли патрули, их оружие было неэффективным. Сейчас только благодаря ему у вас, наконец, нормальные боеприпасы и новый интендант.

Черты лица Варецкого заострились, напоминая хищную птицу, Будаков выругался.

– Вот гнида! – рявкнул он. – Никому не пришло в голову, что он осмелится на что-то такое! Все знали, что он проворачивает темные делишки, но мы думали, они ограничиваются обманом поставщиков. Понимаете, полковник, жалобы были, но никто не обращал на них внимания. Это дела штаба, а не офицеров.

– Когда выявили эту фальсификацию? – процедил сквозь стиснутые зубы Варецкий.

– На днях. В анклав мы случайно сравнили боеприпасы, и господин Рудницкий пришел к выводу, что наши содержат больше меди, чем серебра.

– Поэтому в последнее время не отправлялись патрули! – воскликнул Будаков.

– Да, нужно было заменить боеприпасы.

– Жаль, что этот гад застрелился, когда чистил оружие. Даже морду не набьешь!

Варецкий с удивлением посмотрел на молодого коллегу и покачал головой.

– Ох, Сережа, Сережа, – вздохнул он. – Круглов был свиньей, но не в первый раз держал в руках оружие.

Будаков открыл рот, чтобы протестовать, но внезапно в его глазах появилось понимание.

– Так это... так, – пробормотал он. – Спасибо, господин полковник!

– Не знаю, о чем это вы, – отмахнулся Самарин. – Я хочу попросить вас об осторожности. Лучше, чтобы эта информация, касающаяся гарнизона, не вышла за пределы круга офицеров.

– У вас есть наше слово, – пообещал Варецкий. – Жаль только, что мы не встретились при более приятных обстоятельствах.

– Что делать – такова жизнь. А кстати, об оскорблениях: вас не задело мнение майора Завьялова о поляках?

Варецкий скривился, явно не желая ничего объяснять, поэтому просто пожал плечами.

– Мы вместе служили на Кавказе, – ответил он. – Вы сами знаете, полковник, что в кругу товарищей по оружию такое трактуется немного иначе. Уверяю вас, что что-то подобное произошло впервые, и сам майор извинился передо мной, как только протрезвел. Правда, жаль, что все зашло так далеко. А сейчас прошу прощения, полковник, время встретиться с вашими секундантами. Господин полковник...

– Господа офицеры...

* * *

Самарин глянул на часы – почти шесть. Над небольшой, но ровной лужайкой поднимался утренний туман, вдалеке виднелись нечеткие силуэты деревьев. За лесом притаились деревня, костел и... ни больше ни меньше кладбище.

– Начинаем! – приказал притоптывающий крепкий мужчина в военной шинели, накинутой на генеральский мундир. – Холодно.

Согласно правилам поединка, именно он следил за офицерским судом чести, а если речь шла о штабных офицерах, то был непосредственным начальником заинтересованных сторон. Начальник варшавского гарнизона генерал Проскурин.

– Господа! – Варецкий повысил голос. – Представители обеих сторон договорились, что поединок будет проводиться *à volonté*. Дистанция двадцать шесть шагов, противники стоят спиной друг к другу. По команде «Стрелять» поворачиваются и нажимают на курок. Каждый может выстрелить в любой момент, как услышит команду, но не позднее, чем в течение десяти секунд. По команде «Стоять!» следует опустить оружие, независимо от того, стреляли вы или нет. Время отсчитывает господин Черский. К барьеру!

Самарин прошел на указанную позицию, под ботинками хрустела замерзшая земля. Старый седой врач спокойно курил сигарету, стоя над черной кожаной сумкой. Полковник сразу распознал в нем военного медика, привычного к операциям в более неблагоприятных условиях, чем лужайка под Варшавой.

Будаков подал Самарину заряженный пистолет, и полковник ощутил в руке холодную сталь. Краем глаза он заметил Батурина. Тот следил за Завьяловым, только в этот раз он был одет в мундир Конвоя с эполетами капитана.

– Готовы? – крикнул Варецкий.

– Готов! – ответил Самарин.

– Готов! – словно эхо ответил Завьялов.

– К бою! Стрелять!

Самарин плавно повернулся, поднял руку с пистолетом. Майор уже прицелился, но еще не нажал на курок.

– Раз, два, три... – отсчитывал, глядя на часы, Черский.

Они выстрелили почти одновременно. Завьялов на удар сердца быстрее. Оба устояли на ногах. Полковник осторожно напряг мышцы – простреленная рука болела, словно гнойный зуб, но, похоже, кость была цела. Он отдал дымящийся пистолет секундantu и быстрым шагом подошел к Завьялову. Майор уже сидел на земле с бледным, как бумага, лицом, врач срезал с него одежду.

– Пуля в плече, – констатировал он через минуту. – Нужна операция.

«Ну что ж, – подумал Самарин, – заказчик Завьялова должен поискать другого наемника. А господин Рудницкий поживет еще немного...»

Глава IV

Рудницкий достал из атанора⁵ стеклянную термостойкую посуду: порошок в ней был ярко-красного цвета. Именно такой, как говорилось в трактате. Алхимик внимательно осмотрел его и осторожно пересыпал в небольшой флакон. Если что-то пошло не так, то он испортил несколько лотов первичной материи. Или же получил пресловутую «красную микстуру».

Мужчина подошел к очагу и всыпал щепотку кристаллического красного порошка в большой котел, на три четверти заполненный ртутью. Через минуту добавил карбонат калия и разжег огонь.

– Ну вот и посмотрим, – буркнул он.

Внезапно скрипнула дверь, и в мастерскую на чердаке зашел Самарин.

– Ты всегда разговариваешь сам с собой? – спросил он с любопытством.

– Не мешай! – гневно накинулся на него Рудницкий.

– Что делаешь?

– Трансмутрую!

– То есть ты реально...

– Реально! Подкинь угля! – сказал алхимик. – Быстрей! Пламя должно охватить весь котел.

– Матушкин! – закричал Самарин. – У меня левая рука барахлит, – оправдывался он.

Рудницкий выругался и сам подсыпал уголь. Быстрый топот тяжелых военных сапог говорил о том, что подчиненный Самарина поднимается по ступеням. Манипулируя железными щипцами, алхимик поворачивал котел так, чтобы он нагревался равномерно со всех сторон.

– Из этого получится золото? – неуверенно спросил Самарин. – И зачем оно тебе? Стоит ли тратить на него первичную материю?

– Слушаю, ваше высокоблагородие! – отрапортовал запыхавшийся солдат.

– Будь готов подкинуть уголь, – приказал полковник. – Господин алхимик создает золото из олова.

– Из ртути, – рассеянно ответил Рудницкий.

– Какая разница. И зачем это все?

– Алхимическое золото – это совершенно другой вид металла. Как и серебро, – объяснял Рудницкий. – Трактаты утверждают, что полученное в результате трансмутации золото омолаживает и лечит от многих болезней, достаточно только прикоснуться к нему. А вот относительно серебра... Представь себе, как на такой металл отреагирует фауна анклава? Кто знает? Может, хватило б одного патрона?

– И сколько это будет стоить? Если все получится? – поинтересовался Матушкин.

Алхимик снова обратил внимание, что, несмотря на уставной тон в голосе солдата, в нем нет и тени неуверенности или колебаний, хотя он бесцеремонно вмешивается в разговор людей намного выше его по социальному положению. А Самарин, как обычно, не отреагировал на это. Так, словно привык разговаривать с Матушкиным почти по-дружески. Но при всем этом у Рудницкого сложилось неопровержимое впечатление, что русский аристократ не является сторонником равенства классов.

– А сколько стоит человеческая жизнь? – ответил он вопросом. – Если это золото действительно лечит и омолаживает, нет такой цены, которую не заплатили бы смертельно больные или старики. Сто тысяч? А может, миллион рублей? – Он пожал плечами.

– Как долго продлится этот процесс? – вмешался Самарин.

– Не больше получаса. Может, меньше, никогда раньше этого не делал.

⁵ Атанор – алхимическая печь.

– Ну-ну, – буркнул офицер. – Интересно, а...

– Еще угля! – прервал его Рудницкий.

Полковник закатил глаза, но открыл дверцу печи, помогая подчиненному. Тот сразу же взялся за лопату.

– Хватит?

– Пока да. Как твой шрам, Матушкин?

Солдат непроизвольно потянулся к лицу, скривился, ощущая под пальцами шрам.

– Так себе, – невесело ответил он. – Побаливает. Ну и сомневаюсь, что с такой рожей буду интересен девушкам.

– Когда закончим с трансмутацией, напости мне, чтобы я дал тебе что-то для раны.

– Боюсь, я не могу себе позволить ваше лекарство, господин алхимик. Я видел цены...

– Я же сказал «дам», а не «продам», – рявкнул Рудницкий. – И еще одно: как вы вошли? Я же приказал Мареку закрыть двери, чтобы никто мне не мешал.

– Ну, его высокоблагородие показал мальчику через окно пять рублей. Подействовало, как волшебная палочка, – сухо пояснил Матушкин.

– Ну негодник! – выругался Рудницкий.

– Не злился на мальчика, – попросил Самарин. – Он уже видел меня здесь и потому впустил.

Алхимик небрежно махнул рукой, хотя его явно не убедили аргументы собеседника. Все его внимание было сосредоточено на котле, который становился вишневого цвета.

– Я не могу взять лекарство даром, – заявил Матушкин. – Хотя я и простой солдат, но...

– Ой, заткнись, придурок! – буркнул Рудницкий. – Ты действительно считаешь, что я хотя бы минуту предполагал, что ты простой солдат?

Алхимик рассмеялся: на лицах россиян возмущение боролось с недоверием.

– Задумался над тем, что тебя выдало? – продолжил алхимик. – Давайте подумаем: во-первых, словарный запас и акцент, свидетельствующий о том, что ты воспитывался в среде, где говорили литературным языком, без ошибок, во-вторых, манера вступать в разговор, словно твое социальное положение соответствует всем собеседникам. И наконец, вопрос гигиены...

– Не понял. Что не так с моей гигиеной? – спросил действительно разозлившийся Матушкин.

– Тут как раз наоборот, – заверил алхимик. – Все в порядке. Только пользуешься достаточно эксклюзивным одеколоном *Chevalier d'Orsay*. Я в этом разбираюсь, поскольку сам продаю парфюмы. А от обычного русского солдата, извините, господа, несет капустой и нестиранными тряпками.

– Господин алхимик... – зловеще протянул Самарин.

– Подайте воск! – кинул резко Рудницкий, явно утратив интерес к этой теме. – Там, на столе!

Матушкин выполнил распоряжение, и алхимик бросил в жидкий металл небольшой кусочек воска.

– Ну! – Он закусил губу. – Сейчас посмотрим...

При помощи железных щипцов он убрал котел с огня и запустил мощный вентилятор, охлаждающий содержимое котла. Постепенно металл твердел и становился серебристо-белым с легким золотистым оттенком.

– Слишком светлое для золота, – заметил Самарин.

Рудницкий кратко, солдатскими выражениями, объяснил ему, почему самый бесполезный социальный класс, для прикрытия называемый аристократией, должен оставить экспертную оценку людям образованным и владеющим, в отличие от их светлости, опытом в алхимии и металлургии.

– Это электрум, – объяснял дальше алхимик. – Сплав золота и серебра, возможно, с небольшими примесями других металлов. Трудно требовать, чтобы первая трансмутация про-

шла идеально. Вероятно, пропорции отдельных ингредиентов были не такими, как нужно. Только это мелочь, учитывая, что изменение произошло.

– И что дальше? – спросил Матушкин.

– Разделю металл электролизом. Это нетрудно, у меня есть все необходимое оборудование.

– Я собираю группу для уничтожения созданий, что вырвались из анклава, – заявил Самарин. – Возможно, это серебро дало бы нам преимущество...

Алхимик молча вытряс металл из котла и положил на весы.

– Больше двух фунтов, – через мгновение сказал он. – Думаю, что сплав содержит каких-то восемь, может, девять частей серебра, остальное золото. Я подумаю над тем, что ты сказал, приходи во вторник.

Похоже было, что Матушкин хотел возразить, но Самарин остановил его решительным жестом.

– Во вторник так во вторник. А за лекарства для Матушкина я могу заплатить. И был бы благодарен, если бы ты оставил при себе предположения по поводу его статуса. Понимаешь, наша миссия требует предельной осторожности и...

– Предположения я оставляю при себе, – прервал его Рудницкий. – А лекарства дам бесплатно и с гарантией на случай осложнений.

– Какие, к чертям, осложнения?

– Я никогда раньше не лечил такие раны спагирическими средствами, – беззаботно проинформировал алхимик. – Во всяком случае, я постараюсь скорректировать возможные побочные эффекты...

– Ну не знаю... – неуверенно произнес Матушкин. – Может, не надо?

– Как хочешь, но мне кажется, что твоему лицу уже ничто не повредит...

Солдат промолчал на панибратскую форму, с которой Рудницкий обратился к нему, и подошел к зеркалу. Долго изучал свое отражение. Вид был не из приятных: сине-красный шрам пересекал лицо, превращая его в гротескную, вызывающую угрозу маску.

– Черт возьми! – выругался он. – Я мог бы без грима сыграть одного из Всадников Апокалипсиса. А ладно! Давай, докторишка, свою мазь.

Рудницкий кивнул и, забрав слиток электрума, пошел к дверям.

– Выпьем, – предложил он. – Надо отметить трансмутацию. У меня есть что-то особенное, дядька пытался когда-то найти первичную материю методом, описанным в малоизвестном анонимном алхимическом трактате семнадцатого века. Получилась чудесная водка. Пьешь, как воду, а в желудке, словно огонь горит. Ну как? Вы же не на службе?

– Вроде как, – ответил за себя и солдата Самарин. – Но часик-два у нас есть. Обсудим план... охоты.

Рудницкий вздохнул, можно было бы сказать, что его участие ограничивается только консультацией. Только сама мысль о следующей стычке с существами из анклава вызывала дрожь во всем теле. Но он не мог отказаться, последняя вылазка показала, чего можно добиться, имея под рукой профессионалов. Да, Самарин и его люди были ему нужны...

* * *

Рудницкий осторожно наклонил котел. Наполнил формы для отливания пуль металлом. Девяносто два золотника, в метрической системе это девятьсот пятьдесят восьмая проба – почти чистый металл, в котором одна сотая алхимического серебра.

В ожидании, пока металл остынет, алхимик начал отмерять порох на весах. Дядя, заядлый охотник, научил его, как самому приготовить заряды. К сожалению, не успел научить стрелять...

Рудницкий подошел к столу и критическим взглядом оценил уложенные на столешнице готовые патроны: сотня для карабина, сто двадцать для револьвера. Вроде бы немного, зато можно быть уверенным, что ни один из них не подведет – качество боеприпасов собственного изготовления намного выше, чем фабричных, ну и к тому же серебро. Алхимическое серебро. Мужчина не раз и не два раздумывал над феноменом восприимчивости созданий анклава к серебру, однако не пришел ни к какому конкретному выводу. Возможно, это было связано с антисептическими свойствами металла? Ведь используют же мазь для лечения незаживающих ран и язв, разработанную вроцлавским хирургом Микулич-Радеским, что содержит нитрат серебра.

Из размышлений его вырвал навязчивый дверной звонок. Кто-то рвался в аптеку, не обращая внимания на нерабочее время. Рудницкий беспомощно выругался, это точно Самарин, кто же еще, решил нанести ему очередной несогласованный визит.

Полевой, а не парадный мундир гостя не обещал ничего хорошего. Как и карабин в его руках.

– Очередная атака! – кинул Самарин, даже не поздоровавшись. – В этот раз на Пекарской. Полиция и войско окружили каменицу, через час начинаем операцию. Пойдешь со мной?

Алхимик впустил полковника в аптеку, небрежным жестом пригласил наверх.

– Я не солдат, – сказал он, поднимаясь по лестнице. – Сомневаюсь, что могу вам помочь. То есть помочь в битве. Как и сам знаешь, паршивый из меня стрелок.

– Это что-то убивает твоих земляков! – с гневом бросил Самарин. – А ты хочешь остаться в стороне и смотреть, как мы, русские, решаем эту проблему!

– Для этого я и плачу налоги, – напомнил Рудницкий. – Чтобы меня защищала полиция. И извини, благородие, но, насколько я помню, никто сюда русских не приглашал. Сами влезли. И правите. И поскольку благодаря вашей милости мы являемся подданными Его Величества Николая Второго, это обязывает вас заботиться о нашей безопасности.

Оба стояли у входа на чердак, не сводя друг с друга гневных взглядов.

– Значит, не пойдешь?

– Не пойду.

– В таком случае прошу меня простить, что нарушил ваш покой с самого утра. Обещаю, что это больше не повторится, – произнес ледяным тоном Самарин.

Рудницкий закусил губу, глядя в спину уходящего офицера.

– Подожди! – позвал он. – Дам тебе боеприпасы.

– Какие, к черту, боеприпасы? Я спешу!

– Нормальные, для карабина и револьвера. Сам отливал пули. Чистое серебро плюс алхимическое.

– Сколько их у тебя? – быстро спросил Самарин.

– По сотне на каждый вид оружия. Прошу. – Он указал на ровные ряды пуль.

Россиянин склонился над столом, разглядывая пули.

– Выглядят нормальными, – с колебанием в голосе произнес он. – Ты уверен, что сделал все как надо? Знаешь, не хотелось бы, чтобы во время выстрела они разнесли мне дуло или произошла осечка...

– Те пули в анклавке тоже были моего производства, – заявил Рудницкий. – И, уверяю тебя, они намного лучше фабричных. Даже без алхимического серебра.

– Хорошо, беру. И не беспокойся за счета, у меня есть специальный фонд.

– Еще не установили цену на серебро, полученное трансмутацией, – процедил Рудницкий.

Обеспокоенный тоном алхимика, офицер поднял голову.

– Я не хотел тебя обидеть. Я...

– Не важно! – махнул рукой Рудницкий. – Будешь мне должен услугу.

Самарин поджал губы, но через минуту кивнул.

– Идет! – сказал он. – И кстати, я не предлагал тебе участвовать в битве, ты слишком важен для меня, но твои лекарства могли бы спасти жизни раненым. Как и моим людям в анклавe...

– Ну, хорошо, – вздохнул Рудницкий. – Я пойду с тобой, но только как консультант. И заплатишь мне за медикаменты.

– Договорились! А сейчас помоги мне собрать эти боеприпасы, я должен беречь руку.

– А что случилось? – спросил алхимик не слишком заинтересованным тоном.

– Дело чести. На пистолетах. Рана хорошо заживает, я бы даже сказал, с невероятной скоростью, но я хотел бы, чтобы позднее ты посмотрел на нее. Не могу себе позволить долгое выздоровление.

– Посмотрю. Когда ты только находишь время на дуэли?

– Расскажу в другой раз. Идем!

– Ладно, только возьми оружие. На всякий случай.

– Бери.

* * *

Каменица не отличалась ничем определенным, кроме избытка декоративных элементов, похоже, архитектор не придерживался одного стиля, однако украшавшие дом кариатиды, карнизы и подпирающие крышу львиные головы создавали впечатление перебора нувориша⁶. Над главным входом виднелась дата: тысяча восемьсот девяносто третий.

– К счастью, это новый дом, и в городской администрации есть его план, – сказал капитан Варецкий. – Он может нам понадобиться во время штурма.

Алхимик кивнул. Кроме Самарина, в группе находились два офицера: Варецкий и Будаков. Оба, как ни странно, относились к нему с упреждающей вежливостью. Офицеры считали себя классом выше гражданских и обычно демонстрировали это на каждом шагу.

– Как вы думаете?

– Я не солдат, – ответил Рудницкий.

– Но вы были в анклавe и лучше нас знаете, чего ждать.

– Ну...

– Минутку! – остановил его Самарин и обратился к Будакову: – Поручик, прошу позвать унтер-офицеров. Я хочу, чтобы все услышали то, что расскажет господин Рудницкий.

Через минуту алхимика окружили солдаты. Сильно обеспокоенные солдаты.

– Олаф Арнольдович?

– Прежде всего не отходите по одиночке даже на шаг. Вы должны разбиться на тройки или четверки. И не сильно рассчитывайте на свое оружие, на короткой дистанции оно не даст вам преимуществ, на которое вы надеетесь. Потому...

– То есть оно не работает? – перебил его Будаков, нахмутив брови.

– Работает, но даже серебряные пули не убивают сразу. Не берегите патроны! И цельтесь в голову. Я бы еще посоветовал прикрепить штыки к карабинам, а офицерам сражаться с саблями в одной руке, и револьвером – в другой.

– Это все? – спросил Самарин.

– Еще одно: каждого раненого сразу ко мне. Не важно, как выглядит рана. Даже царапина может нести смерть.

– Слышали! – рявкнул Самарин. – Начинаем! Разделиться на группы по трое, лучший стрелок в тройке получит специальные боеприпасы.

⁶ Нувориш – быстро разбогатевший человек из низшего сословия; богач-выскочка.

Солдаты быстро выполнили приказ и через минуту исчезли внутри здания. Возле Рудницкого остался только Варецкий и несколько солдат, хотя каменицу и дальше окружал наряд полиции.

– Мы должны вас охранять, – объяснил офицер, заметив вопросительный взгляд алхимика. – Ну и обеспечить лазарет. Как вы думаете, у нас получится...

Его прервали звуки стрельбы и гневные крики, через мгновение раздалось пронзительное, нечеловеческое вытье. Рудницкий нервным жестом отвернул полу плаща и положил руку на рукоять револьвера.

– Что это? – удивленно спросил Варецкий. – Это не человек?

– Без малейшего понятия, – ответил алхимик. – А что касательно второго вопроса, но я не был бы так уверен, я как-то слышал, как кричит мужчина, которого живьем поедает волки. Ну, то есть что-то типа волков...

– Я думал, вы – эксперт.

– Эксперт? Никто из посещавших анклав не прожил настолько долго, чтобы стать экспертом.

– Но вы же дрались с этими... созданиями?

– Раз или два, – с неохотой признался Рудницкий. – В основном я убежал.

– А в последний раз? Я слышал, что вы были в анклав вместе с полковником.

– Да, нам удалось убить двух бестий. Высшего уровня.

– У вас есть какая-то классификация? – с недоверием спросил Варецкий.

– Откуда?! Насколько мне известно, ни у кого нет таких сведений. Скорее определенные впечатления: даже абсолютный новичок, попав на охоту, отличит лису от медведя. И угрозу, какую они могут представлять.

Стукнули двери, из каменицы выбежали двое солдат, волоча обмякшее тело.

– Сюда! – закричал Рудницкий. – Что с ним?

– Не знаю, – пробормотал старший из мужчин с нашивками сержанта на погонах. – Она закричала – и Степан упал как подкошенный, весь в крови. Матвеева только царапнула. Чуть-чуть, под глазом. А он почернел и умер, до того как мы смогли что-то сделать.

– Выживет ваш Степан, – сказал Рудницкий. – Посадите его на землю и придержите, я не хочу, чтобы он захлебнулся.

Алхимик достал из сумки эликсир, запахло миррой и нардом.

– Это правда поможет? – спросил Варецкий.

– Правда. Испробованное средство, – рассеянно ответил алхимик. – Ну, хватит! Сейчас отнесите его в госпиталь, – посоветовал он. – Ему нужны покой и пара дней отдыха.

– Слушаюсь, ваше благородие!

Рудницкий хотел спросить, на каком основании сержант оценил его как благородие, но передумал. Это было не лучшее время для шуток.

– Медицинским пунктом такого ранга в основном руководит унтер-офицер или офицер, начиная с лейтенанта, – объяснил шепотом Варецкий, видя выражение лица алхимика. – Не протестуйте, – посоветовал он. – Так проще, чем каждому объяснять, кто вы такой.

Рудницкий принял правоту капитана кивком головы и посмотрел на часы.

– Интересно, сколько это продлится, – вздохнул он. – И какие будут потери.

Звук разбитого стекла нарушил нервную тишину: из окна первого этажа выскочил среднего размера пес. Варецкий молниеносно достал оружие из кобуры. И так же быстро опустил его.

– Это только какая-то псина, – рассмеялся он с облегчением.

– Стреляй! – заорал Рудницкий, неловко вытаскивая револьвер.

А тем временем зверь кинулся в сторону ближайшего полицейского и в мгновение ока разорвал ему горло. Солдаты открыли хаотичную пальбу, но собака, а скорее похожая на собаку

тварь, металась длинными, в несколько метров, прыжками, мешая прицеливаться. Почти каждый ее прыжок сопровождался фонтанами крови.

Рудницкий чувствовал себя как в кошмарном сне: дуло револьвера медленно поднялось, словно разводной мост, ноги приросли к земле. Ни выстрелить, ни убежать... Когда он, наконец, нажал на курок задеревеневшим пальцем, псевдопес был уже возле него. Плечом сбил Варецкого и кинулся на алхимика.

Первый выстрел не попал в цель, а от удара о мостовую у Рудницкого перехватило дыхание. Слюнявая морда демона находилась возле его лица. Не думая, что делает, алхимик сунул дуло в полную зубов пасть и снова спустил курок. Его что-то обрызгало. Когда он открыл глаза, Варецкий стягивал с него тушу твари.

– С вами все в порядке? – с беспокойством спросил капитан.

– Вроде... вроде как, – неуверенно ответил алхимик.

– Слава богу! Когда вы упали, я подумал, что это конец. Он убил пятерых.

– Все в порядке, – уже спокойней заверил его Рудницкий. – Есть раны?

– Похоже, что нет, – хмуро ответил Варецкий. – Я прошу у вас прощения. Я должен был вас защищать, а оказалось, что это вы спасли мне жизнь. И нашим солдатам...

– Повезло, – сказал Рудницкий. – Сам не знаю, каким чудом его застрелил, он двигался так быстро...

– Теперь я понимаю полковника Самарина, – буркнул Варецкий себе под нос.

– Что?

– Ничего, просто кое-что вспомнил. О, легок на помине!

Из каменицы начали выходить солдаты, среди них оказался и Самарин. Полковник был уставшим, но, похоже, не ранен. Только у одного солдата было окровавленное лицо, но Самарин остановил алхимика.

– Спокойно! – сказал он. – Он просто свалился со ступенек. К сожалению, многим уже не поможет никакой лекарь... Вижу, и у вас была работа, – добавил он, глядя на трупы полицейских и тварь, что их убила.

– Да, господин Рудницкий застрелил... создание, – проинформировал Варецкий. – Я должен доложить, что не смог выполнить задание и в связи с этим...

– Вернемся к этому в казарме, – холодно кинул полковник.

– Ох, да прекратите! – рявкнул Рудницкий. – Капитан не убежал, а наоборот, защищал меня до последней минуты, просто демон оказался слишком быстрым. Он сбил его на землю и кинулся ко мне. У вас нет опыта в битве с такими... созданиями. Ни у кого нет. Я убил его совершенно случайно.

Самарин смотрел на него с удивлением, потом кивнул.

– Если ты так считаешь... В таком случае считаю инцидент исчерпанным. Капитан Варецкий, прошу, проводите господина Рудницкого домой.

– Слушаюсь! – быстро ответил офицер.

– Сам дойду!

– А как упадешь где-то по дороге? Я видел, как опытные офицеры теряли сознание после битвы. Будь рассудительным!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – отсалютовал Рудницкий.

* * *

Рудницкий прикрыл глаза, вслушиваясь в арию Валькирии, что играла в патефоне. Музыка отлично подходила: он изучал книгу Блюха. Хотя никогда не интересовался вопросами войны, книга неосознанно захватывала его больше и больше. Возможно, потому, что ее автор не был военным и не претендовал на непогрешимость. По мнению автора, будущая война

должна скорее напоминать бессмысленную резню, чем рыцарскую схватку. Бойня, лишенная боевой славы, чести и надежды на быстрое разрешение...

«Из ста выстрелов, сделанных с расстояния ста метров, попадут в цель (по общепринятым расчетам): из карабина с гладким стволом – 6 %, из винтовки – 30 %, из винтовки Шасспо – 50 %, новых типов – 70 %».

Рудницкий глотнул кофе, поерзал в кресле. Оконёва не имела кулинарных талантов, но время от времени заменяла их покупками, что позволяло ему продлить ленивый завтрак. Хотя не каждому хватило бы на завтрак сладкой булочки.

«По мнению самых компетентных военных писателей, будущая война будет состоять из ряда битв за укрепление позиций. Атакующие вынуждены будут продираться не только через разные полевые окопы, но и через дополнительные препятствия, которые ожидают их вблизи оборонительных валов, то есть в том месте, в котором они больше всего будут подвергаться неприятельскому огню. К препятствиям такого рода относятся: сваленные в кучу бревна, проволочные сетки, волчьи ямы и т. п.».

Рудницкий со вздохом отложил книгу и отправился в гардероб. Самое время посетить гильдию. В конце каждого квартала все алхимики, принадлежащие к гильдии, и только те, кто получил право входа на территорию анклава, должны заплатить взнос. Ложа Серебряного Замка принадлежала к наиболее эксклюзивным в Империи. И наиболее дорогим. Квартальная оплата составляла фунт чистого серебра, за такие деньги можно было благополучно прожить год.

Уже на улице алхимик подставил лицо лучам осеннего солнца. День был ясным, хотя и ветреным. Рудницкий улыбнулся, когда особенно сильный порыв ветра сорвал шляпку с проходящей мимо молодой женщины, освободив каскад медовых волос. Алхимик молниеносно схватил шляпку и подал женщине с вежливым поклоном. Она поблагодарила его улыбкой и игривым жестом – под предлогом, что переступает лужу, приподняла край платья, обнажая стройные щиколотки.

Рудницкий с неохотой пошел дальше, модная одежда незнакомки и бриллиантовые серьги говорили о том, что она вращается в более высоких кругах, чем скромный аптекарь. Жаль времени на попытку завести знакомство, которое прикажут ей разорвать брат или отец.

Резиденция гильдии «Серебряный Замок» размещалась в Краковском предместье в старом дворце Тышкевичей. Солидное здание было в равной степени символом новой позиции пренебрежения «королевского искусства» и амбиций возглавляющего варшавскую ложу Марковского. Не было тайной то, что больший процент взносов шел на содержание резиденции гильдии.

Рудницкий прошел мимо стоящих на входе полицейских, кивнул портье. Не снимая плащ, прошел в кабинет секретаря и молча положил на стол серебряный слиток. Обычно многолюдный зал ожидания сейчас был пустым. Странно, учитывая, что заплатить взнос можно было только в один конкретный день. Марковский объяснял это соображениями безопасности – в тот же день серебро перевозилось под конвоем в банк – однако Рудницкий считал, что магистру гильдии было приятно видеть толпящихся в очередях собратьев по цеху. Сплетни утверждали, что у Марковского небольшие шансы быть избранным на второй срок: магистра выбирали на общем собрании всех членов ложи.

Между тем секретарь вместо обычной расписки в получении взноса посмотрел на Рудницкого так, словно чего-то ожидал.

– Где остальная часть оплаты? – наконец спросил он.

– Не понял...

– Позавчера на заседании совета постановили повысить членские взносы до двух фунтов серебра.

– Совет не имел права принимать такое решение! Только общее собрание...

Секретарь, массивный мужчина с загорелой кожей, остановил Рудницкого решительным жестом.

– Я выслушиваю эти аргументы с самого утра, – сухо проинформировал он. – Действительно, правила гильдии признают это как исключительные прерогативы общего собрания. Однако существует определенное исключение – состояние высшей необходимости.

– И что же случилось? – рявкнул Рудницкий. – Война?

– Вы знаете это лучше меня, вы же были на Пекарской.

– И что?

– Барьер, окружающий анклав, был прорван. Это повод приостановить часть процедур. Поэтому в такой ситуации совет имеет право...

– Барьер не был прорван, – процедил сквозь зубы Рудницкий. – Это только какой-то разрыв.

– Правда? Вы можете это доказать? Поскольку факт присутствия фауны анклава за ее границами не вызывает сомнений.

Алхимик сжал губы, не было смысла протестовать. Судя по всему, Марковский решил воспользоваться ситуацией и позаботиться о том, чтобы приближающиеся выборы не мешали ему править.

– Господин...

– Будзевич, – ответил секретарь. – Вы даже не запомнили моего имени, правда? А табличка на дверях висит больше года. Ох, ничего странного, кто же я для известных адептов алхимии? Скромный винтик в бюрократической машине... Однако все сегодня внезапно начали склонять мое имя во всех формах, – иронично добавил он.

– Мы подадим...

– ...жалобу в Петербург, – закончил за него Будзевич. – А знаете что? Другим тоже пришла в голову эта идея. Также господину Марковскому.

– Что?

– Магистр как раз совещается с представителем материнской гильдии господином Потуриным, – с удовольствием проинформировал секретарь. – Как вы думаете, они поговорят о возможных протестах варшавских алхимиков?

Рудницкий сжал кулаки, но до того, как успел хотя бы что-то сказать, в дверях кабинета Марковского появился Потурин.

– Я бы хотел поговорить... – начал Рудницкий.

– Ничего не выйдет, молодой человек, – отмахнулся энергичным жестом Потурин. – Я опаздываю. Очень опаздываю. Мой поезд отходит через полчаса.

– Вы можете поговорить со мной, – заявил Марковский, появившись в секретариате. – Я уверен, что мы договоримся.

– Господин Потурин...

Что-то в тоне Рудницкого заставило россиянина напрячься, тот внезапно остановился и внимательно посмотрел на алхимика. Лицо Марковского покрылось румянцем гнева, магистр гильдии не любил, когда его игнорировали.

– Если это что-то важное...

– Естественно, – холодно бросил Рудницкий.

– Ну, в таком случае я попрошу господина Марковского одолжить нам свой кабинет. Временно, естественно.

Несмотря на вежливую форму, не было сомнений, что это было требование, румянец стал сильнее и распространился на лысину Марковского. Казалось, что магистр ложится протестовать, но он только резким движением открыл двери.

– Прошу, – процедил он. – А я тем временем займусь административными делами. С утра поступило много жалоб, – добавил он с кислой ухмылкой.

– Думаю, я могу пролить свет и на этот вопрос, – сказал Рудницкий. – Поэтому было бы хорошо, если бы вы тоже присутствовали при нашем разговоре.

– О, это что-то новенькое. – Потурин поправил монокль.

Этот жест неожиданно развеселил Рудницкого: след на носу россиянина свидетельствовал о том, что он каждый день носит пенсне или обычные очки. Монокль придавал ему величия. По крайней мере, в собственных глазах.

Россиянин удобно устроился на софе, показав рукой Рудницкому на место напротив него. Хотя никто не занял кресло хозяина, ни у кого не возникало сомнений, кто в кабинете самый главный. Алхимик почувствовал, как его ребра сжимает невидимый обруч. Согласно сплетням, Потурин имеет большое влияние при дворе в Петербурге. Если он его не убедит, то последствия могут быть намного серьезнее, чем обязанность платить двойной взнос.

– Ну, слушаю, – сказал Потурин. – Как я понимаю, вы не собираетесь апеллировать ко мне с просьбой созвать внеочередное собрание членов гильдии по вопросу отстранения господина Марковского? Так, как по секрету делает большинство ваших коллег...

– Не собираюсь.

– Это хорошо. Ненавижу закулисные игры. В таком случае чем могу помочь?

– Я хотел бы получить обещание пожизненного членства в ложе, гарантированное магистром материнской гильдии.

– Принятие таких решений принадлежит исключительно к моей компетенции! – с гневом рявкнул Марковский. – Это...

Потурин остановил его небрежным жестом руки.

– Это все? – спросил он.

– Нет, не все. – Рудницкий сглотнул слюну. Он понимал, что если первое требование разозлило Марковского, то второе – это прямое объявление войны. Но поздно отступать. – К тому же я настаиваю на замораживании взносов на первоначальном уровне. С аналогичной гарантией.

– Материнская гильдия не может... – начал Потурин.

– Может, – перервал его Рудницкий. – Параграф восьмой, подпункт двенадцатый. Если магистр локальной ложи действует против ее интересов.

Алхимик надеялся на протесты, но, к его удивлению, и Марковский, и Потурин молчали. Только цвет на лице магистра гильдии изменился с апоплексически красного на цвет слоновой кости. Рудницкий не сомневался, что обзавелся смертельным врагом...

– Аргументы? – наконец отозвался россиянин. – Что-то, что заставило бы меня задуматься над блокировкой деятельности магистра, каким мы очень довольны? Только прошу без демагогии и отсылок на моральность, – предупредил он. – Прошу помнить, что, если что, мне нужно убедить совет Северного Ветра.

– Никаких отсылок на моральность, – пообещал Рудницкий с каменным лицом. – Вместо этого два лота алхимического серебра. Как материал для экспериментов, исключительно для алхимиков материнской гильдии.

– Это... мерзко... заговор! Власть ложи положит этому конец! – заикался от злости Марковский.

Потурин не кинул на него даже взгляда, полностью сосредоточив внимание на Рудницком. Холодный взгляд россиянина, казалось, прожигает его насквозь, оценивая согласно только ему известным критериям.

– Серебро после трансмутации? – через минуту уточнил он.

– Да.

– Когда вы могли бы его передать?

– В любую минуту, хотя бы и сегодня, только при свидетелях и с распиской.

– Я удивлен, – признался Потурин. – До этого времени трансмутация удалась только пятерым алхимикам в Империи. К тому же прошу меня простить, Варшава никогда не была важным центром, если речь шла о таких исследованиях. Возможно, потому, что ваш анклав считается самым опасным.

Рудницкий не стал комментировать и не имел желания объяснять, что высокая смертность варшавского гарнизона была связана с алчностью местного интенданта.

– Тем не менее, – продолжал россиянин, – мне очень приятно, что я смог встретиться с алхимиком такого класса. Особа с вашими достижениями станет знаменитостью в любой гильдии. Прошу подумать об этом. Тем более что ваш статус в Варшаве скандально низкий. Господин Марковский не говорил мне про ваши успехи...

– Я ничего не знал! – закричал Марковский.

Рудницкий с трудом сдержал улыбку: не любитель закулисных игр, представитель Северного Ветра только что пытался перекупить его для своей гильдии.

– Я подумаю, – пообещал он. – Вернемся к делу...

– Что касается первого условия: полное согласие. Кто-то такой, как вы, заслуживает пожизненного членства, даже без такого щедрого пожертвования. Еще сегодня я свяжусь с советом и предоставлю соответствующие документы. Ну а второй вопрос вызывает большие сомнения. Поскольку прорыв барьера является фактом, создания анклава выбрали на свободу. В этой ситуации повышение взносов очень к месту. Кто знает, сколько средств потратит гильдия, чтобы помочь властям справиться с ситуацией? А устав гильдии не позволяет нам от такой помощи уклоняться. Так что... – Он развел руками.

Рудницкий закусил губу: аргумент весомый. Вот только магистр ложи не волнуется за анклав, а только за избавление от конкурентов. Мало кто сможет заплатить двойной взнос.

– Если бы барьер действительно был разрушен, то город стал бы одним большим кладбищем. А на свободу вышло только несколько созданий, – сказал он. – Это, конечно же, проблема, но точно не повод вводить чрезвычайное положение.

– Ваши размышления очень интересны, однако мы должны придерживаться фактов, – ответил Потурин. – Никто не знает, сколько этих созданий гуляет на свободе.

– Я был там! – гневно произнес Рудницкий. – На Пекарской. Один демон высшего уровня и какой-то псевдопес. Мы убили обоих.

– Вы лично?

– Да, я застрелил того второго. Демона прикончил полковник Самарин и его люди. Это конец дела.

Россиянин покачал головой.

– Ни в коем случае! Если даже вы правы, нужно провести расследование, каким чудом эти создания преодолели усиленную серебром стену. И помешать им делать это в будущем. Если вы выясните это в течение недели, то я признаю, что повышение взносов было преждевременным.

– Недели? – растерянно повторил Рудницкий.

– И ни днем больше! Вы получите все полномочия!

– И помощь гильдии, – вмешался Марковский со злорадной ухмылкой. – Принимая во внимание ваши достижения, никто другой не заслуживает такой чести.

Рудницкий поднялся и слегка поклонился, нетрудно догадаться, почему так изменилось настроение магистра ложи. Шанс выйти невредимым из битвы с созданиями анклава был близок к нулю. А ему уже посчастливилось. Не раз, а целых два. Как долго продлится такая удача?

* * *

Каменица, в которой жила княгиня, не принадлежала к величественным зданиям, хотя была в идеальном состоянии. По-видимому, ее владелица не считала нужным хвастаться своим богатством. Здание было свидетельством больших денег, но денег с традициями.

Рудницкий отдал пальто и шляпу стоящему возле входа дворецкому. У подножия лестницы, что вела на второй этаж, его ожидал пожилой, элегантно одетый мужчина. Его лицо показалось алхимику знакомым. Кучер! Тот самый, который специально обляпал Самарина грязью, когда карета отъезжала...

– Иосиф Черский, – представился мужчина, протягивая руку.

Рудницкий неуверенно пожал ее.

– Олаф Рудницкий.

– Прошу, княгиня ожидает вас в салоне. Сашка тоже.

Лишь через минуту Рудницкий понял, что старик имел в виду Самарина.

Хотя еще было не темно, все помещение сияло от множества свечей. Мария Волконская возлежала в удобном кресле, и ее развлекал одетый в парадный мундир Самарин. Увидав Рудницкого, полковник помог тетушке подняться.

– Господин Рудницкий! – воскликнула княгиня с улыбкой. – Как мило, что вы снова посетили меня.

Рудницкий поцеловал узкую, ухоженную руку. Несмотря на искреннюю сердечность в голосе, нельзя было не заметить на лбу княгини капельки пота и изломанные в болезненном выражении брови. Видимо, старая княгиня страдала. Алхимик осторожно потянул носом, через аромат духов *Après l'Ondée Guerlain* пробивался легкий, почти незаметный аромат алкоголя, шафрана и корицы. Опиум. Классический рецепт Сыденхама.

– Немедленно сядьте! – рявкнул Черский нетерпящим возражений голосом. – Ты же знаешь, что хождение усиливает боль.

– Я встала поздороваться с гостем!

– Не в таком состоянии, – буркнул старик. – Садись.

Княгиня бунтарски выпятила губы, но выполнила распоряжение.

– Прошу прощения, – обратилась она к Рудницкому. – Мне действительно немного нездоровится.

– Извините, что заявился не вовремя, если бы я знал...

– Ничего страшного, это только ревматизм, а время быстрее идет в обществе друзей. Знаю, что вы сделали для моего внука, – добавила она, заметив его удивленный взгляд. – Я не использую такие слова слишком часто. Но, нравится вам это или нет, в моем лице вы обзавелись другом, – с озорством заметила она.

– Ну, если мы друзья...

– Друзья, – подтвердила княгиня.

– В таком случае прошу принять эту маленькую вещичку.

Алхимик вытащил из кармана небольшой золотой медальон. Княгиня покраснела, словно двадцатилетняя девушка, а Черский грозно нахмурил брови.

– Но...

– Это алхимическое золото, – быстро сказал Рудницкий. – Я и так должен был его протестировать, и, кто знает... может, оно сработает лучше, чем опиум?

– Опиум? Ты же не должна была его принимать? – обвиняющим тоном сказал Черский. – В последний раз...

Княгиня перервала его усталым взмахом руки.

– Я взяла только капельку, – заверила она. – Откуда вы узнали? – спросила она алхимика.

– Господин Рудницкий имеет фармацевтическое образование и четыре года медицинской практики, – ответил за него Самарин. – Также он является специалистом в спагирической медицине. Это работает, ты должна попробовать, тетушка.

– Конечно, ты мог бы мне это надеть?

Самарин без слов исполнил просьбу, после чего поднес тетушке зеркало. Княгиня не высказала свое недовольство ни малейшим жестом, однако Рудницкий почувствовал, что медальон ей не нравится.

– Это не украшение, только медицинский препарат, – заявил он. – Я понимаю, что он не может конкурировать с бриллиантовыми ожерельями вашей светлости, но с другой стороны... – Он замолчал.

– Да?

– Это золото получено в результате трансмутации, и, насколько мне известно, подобные безделушки имеют только две особы: жена императора и княжна Ольга. Поэтому вам не будет стыдно появляться с медальоном на публике, – с иронией закончил он.

– Я не такая тщеславная! – воскликнула возмущенно княгиня. – Ну ладно, может, немного, – исправилась она, видя выражения лиц присутствующих мужчин. – Ладно, ладно! – сказала она, касаясь медальона. – Если это такая редкая вещь, то она очень дорогая. Я не могу принять ее просто так!

– Я надеюсь, что вам не пришла в голову идея о какой-либо компенсации? – холодно спросил Рудницкий. – Вы же помните, что мы друзья?

– Вот так вот! – засмеялся Самарин. – Оставь, тетушка.

– Но...

– Никаких «но», – сказал Черский. – Это правда облегчит боль?

– Должно, – ответил Рудницкий. – Однако еще никто это не тестировал. Княжна Ольга еще слишком молода, чтобы ее что-то беспокоило, а царица...

– Лучше ее не спрашивать, – с каменным лицом заявил Черский.

– То есть я должна стать подопытным кроликом? – спросила княгиня с легким беспокойством.

– Могу гарантировать, что ношение этого медальона ничем вам не навредит, – заверил алхимик. – А поможет ли, это мы узнаем через несколько дней.

– Тогда решено, – твердо заявил Черский.

– Не знаю, что и сказать. Я... Спасибо, – сказала княгиня. – Но, когда вы звонили, вы спрашивали моего внука? Я так понимаю, у вас к нему дело?

– Да, – признался Рудницкий. – Однако я хотел бы... – Он не закончил предложение.

– Если речь идет об анклав, то не стесняйтесь, я со вчерашнего дня уговариваю Сашку отправить туда патруль.

Алхимик удивленно поднял брови: во всей Империи не было человека, который бы не знал, как опасно отправляться в анклав. А эта старушка хотела послать туда внука.

– Я боюсь за Сашку, – призналась она, словно прочитав его мысли. – Однако честь дворянина требует хотя бы попробовать.

– Я не понимаю...

– Два дня назад гарнизон посетил тайный советник Брагимов, – сказал Самарин. – Он должен был провести следствие в связи с коррупцией в интендантстве. Вчера он отправился в анклав в сопровождении аварийного взвода и парочки дам.

– Дам? И какого... Зачем?

– Это навсегда останется тайной господина советника, – хмуро сказал полковник. – Одно только точно: они пили всю ночь. А дамы, которых он пригласил на прогулку, это... не совсем дамы.

– То есть?

– То есть этот кретин, вероятно, убил несколько проституток и больше двадцати мужиков, – пояснил Черский без приукрашивания. – Они не вернулись... Проблема в том, что с ними была крестница ее светлости, – добавил он с иронией. – И наша дорогая княгиня чувствует за нее ответственность.

Рудницкий пытался сохранять нейтральное выражение лица, но не выходило: дочь, пусть и крестная, княгини Самариной – проститутка? Это не укладывалось в голове.

– Иосиф, я тебя прошу...

Черский гневно фыркнул, но не продолжил тирады. Алхимик тяжело вздохнул, тот факт, что княгиня обратилась к вроде бы кучеру по имени, не используя отчество, свидетельствует об их необычных отношениях. Как и обращения самого Черского. Похоже, у них не было намерения скрывать семейные секреты. Только вот Рудницкий не был уверен, что хочет про них знать.

– Стать ее крестной меня упросила моя любимая няня двадцать лет назад, – слабым голосом произнесла княгиня. – Я не могла отказать. К сожалению, София... – Она сделала неопределенный жест.

– Не пошла в мать, – заверил Самарин. – Я бы отправил туда патруль, – со злостью бросил Самарин, – но это против закона! Каждый, кто войдет в анклав без разрешения, может рассчитывать только на себя и военный суд, если выживет. У меня есть определенные полномочия, но я не хотел бы их разглашать. Не сейчас.

– А его каким чудом впустили? У него же не было соответствующих документов.

– Он запугал солдата, – ответил Черский. – Помахал у него перед носом бумагами, что дают полномочия проводить расследование в гарнизоне, и уговорил, что это также касается и входа в анклав. Большинство солдат едва умеют читать и писать. – Он пожал плечами.

– Так что тебе нужен предлог? – задумчиво спросил Рудницкий.

– Естественно. Хороший предлог, – заявил Самарин.

– Он есть у меня. Гильдия попросила меня выяснить, каким образом создания из анклава преодолели барьер. Официально. Так что я вынужден отправиться на прогулку... Собственно, искал какого-нибудь офицера, который бы составил мне компанию. Может, ты знаешь такого?

– Распоряжение в письменном виде? – быстро спросил Самарин.

– А как же! Все военные и гражданские власти должны оказывать мне помощь под страхом суровых наказаний. Ты уже достаточно напуган?

– Трясусь как осиновый лист! – заверил его россиянин. – Когда отправляемся?

– Ты решаешь, я только пассажир.

– В таком случае встречаемся через два часа возле ворот Саска.

– Берегите себя, мальчики, – попросила дрожащим голосом княгиня.

– Ничего с ними не случится, – заверил ее Черский. – Господин Рудницкий – счастливчик, это самое важное. Он присмотрит за твоим оболтусом.

– Присмотрю, – пообещал алхимик.

Как он ни старался, в его голосе не прозвучало уверенности, это же анклав...

Глава V

Фары разрезали мрак, словно ножницы черный бархат, извлекая из тьмы силуэты зданий и клочки клубящегося тумана. Самарин решил не дожидаться утра. Впереди ехал автомобиль с мощными электрическими прожекторами, за ним шли в боевом порядке солдаты – два элитных взвода Кексгольмского пехотного полка под командованием капитана Варецкого. Самарин взял с собой только Матушкина, а Батурин остался у ворот Саска в качестве начальника поста. Как дополнительная охрана.

Несмотря на то что Рудницкий находился в центре колонны, он вздрагивал от каждого громкого звука. Ночь была не лучшим временем, чтобы наведываться в анклав...

Идущий впереди разведчик поднял руку, и через мгновение свет одного прожектора направили на мостовую.

– Гильзы и кровь, – громко доложил он.

Рудницкий тяжело вздохнул, когда Самарин позвал его энергичным жестом. Солдаты молча расступались перед алхимиком, воспринимая его так, словно он был офицером. Кто-то, скорее всего Варецкий, распустил слухи о его подвиге на Пекарской и предыдущих вылазках в анклав. Благоразумно опуская навыки стрельбы алхимика.

– Что думаешь? – спросил Самарин.

– Я не эксперт, – попытался отмахнуться Рудницкий.

– Пока у меня нет никого лучше, ты – эксперт, – отрезал россиянин. – Ну так что?

Рудницкий присел, разглядывая пятна крови.

– Похоже, что они подстрелили что-то или кого-то, – с неохотой сказал он. – Хотя не слишком тяжело, мало крови.

– И?

– Воодушевленные успехом, они пошли дальше. Возможно, не проявляя должной осторожности...

– Ты предполагаешь, что это осознанное действие местной фауны?

– Я ничего не предполагаю! – с гневом рявкнул алхимик. – Но та дама с голубой кожей, что мы встретили в анклав, не выглядела как неразумное существо. Точно так же, как и то чудище с мечом.

– Ты преувеличиваешь, поскольку я не заметил...

– Правда? – прервал его Рудницкий со злостью. – Тогда ответь мне на вопрос: тот рогатый махал мечом, словно цепом, или он чуть не уложил за пару секунд нескольких опытных мечников?

– Если бы не особые свойства того оружия и сверхъестественная регенерация...

– Ну, конечно! – снова оборвал его на полуслове Рудницкий. – Только помни, что наши предшественники тоже не лыком шиты. И насколько бы пьяным ни был господин советник, солдаты, которые были с ним, могли сражаться, правда?

– Он прав, – Матушкин неожиданно поддержал алхимика. – У меня такое ощущение, как тогда на Кавказе. Лучше приготовиться...

Самарин смерил их обоих тяжелым взглядом, но не стал спорить.

– Ладно, пусть будет так, – наконец буркнул он. – Капитан Варецкий!

– Слушаю, ваше благородие!

– Удвоить разведчиков, приготовиться к битве!

– Слушаюсь!

Через минуту они снова двинулись вперед, в этот раз впереди идущие солдаты не только высматривали трупы, но и врагов. Пронзительный кровавожидный вой разорвал ночную тишину, вызывая у Рудницкого ледяную дрожь. Алхимик нервно вытащил оружие.

– Готовсь! – рявкнул Самарин.

Разведчики бегом вернулись к главной колонне, солдаты молниеносно сформировали две шеренги. Первая опустилась на колено, давая второй возможность стрелять над их головами.

В конце улицы появилось около десятка теней.

– Пли!

Раздался двойной залп, потом еще один.

– Примкнуть штыки!

Тусклый блеск штыков развеивал мрак. Самарин вытащил саблю и возглавил контратаку. У немногочисленных еще живых созданий анклава не было шансов, они гибли пронзенные, рассеченные и задавленные численным превосходством. Рудницкий двинулся за солдатами, довольный, что в этот раз ему не нужно принимать участие в битве.

Внезапно что-то его напрягло, краем глаза он заметил какое-то движение. В окне ближайшей каменицы промелькнула тень. Луч прожектора лизнул стену здания, и Рудницкий разглядел длинный ствол, нацеленный в находившегося возле автомобиля Самарина.

– Окно! Третий этаж! – закричал алхимик и нажал на курок.

Пуля, совершенно случайно, поскольку у алхимика не было времени целиться, попала в окно выше, и падающие осколки стекла спугнули таинственного стрелка. Тень исчезла.

– Что случилось?! – спросил подбежавший Самарин.

– Я видел там кого-то с оружием!

Полковник направил нескольких солдат в каменицу, а сам остался снаружи, нервно наблюдая за окнами.

– Невозможно! – сказал он. – Если только уцелел кто-то из людей Брагимова. Но почему тогда этот кто-то прячется от нас?

– Может, он в шоке? – предположил Варецкий.

Капитан расставил посты и приказал направить лучи прожекторов на каменицу.

– Кто знает? Однако...

Из каменицы вышел один из солдат, в руке у него была винтовка с оптическим прицелом.

– Нашли на подоконнике, – сказал он.

– Снайпер, – буркнул Самарин.

– Что? – не понял его алхимик.

– Стрелок, экипированный винтовкой с оптическим прицелом, – пояснил Варецкий. – Якобы во время последней бурской войны снайперы нанесли англичанам огромные потери. Но тут, в Варшаве?

– В анклав, – сухо поправил его Самарин. – Ты видел, что он делал? – спросил он у Рудницкого.

– Мне показалось, что он целился в тебя...

– Наверное, так и было. Это стандартная практика, сначала убрать офицеров, – подтвердил Варецкий.

– Откуда такое странное название?

– С английского «снайп» – это бекас. Снайпер – это охотник на бекасов, их всегда считали лучшими стрелками.

– Может, уже займемся нашими проблемами? – рявкнул полковник с грозной миной. – Поскольку, если против нас не только местная фауна, но и люди, нужно решить, не лучше ли вернуться. До того как наши потери сделают невозможным наше возвращение.

– У солдат, что пошли с Брагимовым, было такое оружие? – поинтересовался Рудницкий.

– Точно не было, – ответил Самарин. – После бурской войны кто-то из наших написал меморандум о подготовке снайперов, но, насколько мне известно, пока это только теория. А если у нас нет снайперов, то нет и оружия для них.

– Тогда кто это был? До этого времени в анклав пускали только лицензированных магов и алхимиков, и очень сомнительно, чтобы они владели особыми военными навыками, – заметил капитан. – К тому же все они вернулись.

– Олаф? Что ты думаешь? – спросил Самарин.

– А я знаю? С одной стороны, это полный абсурд, однако, с другой...

– Что?

– Демоны вышли из анклава, несмотря на то что барьер препятствует этому. Это факт. Разве это не означает, что существует какой-то другой проход? И если это проход, то может ли он действовать в обе стороны?

О чудо, Самарин не протестовал против понятия «демоны». То ли привык, то ли сам пришел к выводу, что что-то не так. Так или иначе, это не подняло настроение алхимику. Последовательный отказ от концепции, что живущие в анклав существа могут быть чем-то бо́льшим, чем просто животными, вопреки всякой логике, вселял в него чувство безопасности.

– В таком случае идем дальше! – принял решение полковник. – Если тут есть кто-то разумный, кто-то, кто знает, как можно выйти из анклава, то выход должен быть недалеко.

– Это почему? – удивился алхимик.

– Потому что пару минут назад нас атаковала стая этих псевдоволков. С десятков. А я никогда не слышал, чтобы они воевали большими группами. Они не собираются в стаи. Ну и этот стрелок... Нужно обязательно выяснить, кто он такой и откуда тут взялся. Если в анклав начнут действовать снайперы, то ни один патруль не вернется без потерь.

– Ну тогда вперед, – вздохнул Рудницкий.

Следующие полкилометра они прошли без каких-либо проблем, хотя алхимик был уверен, что несколько раз замечал расплывчатые тени. Их видели и другие, поскольку солдаты дважды открывали огонь, однако наблюдающие за ними существа не оставляли после себя никаких следов, и на мостовой не обнаружено и капли крови.

– Вот черт! – буркнул Варецкий после очередной стрельбы. – Я могу поклясться, что видел кого-то в боковой улочке. Разве что это галлюцинации. Господин алхимик?

– Сомневаюсь, – ответил Рудницкий. – Я не слышал, чтобы кто-то видел тут какие-то галлюцинации. Вот только туман обманчив. К счастью, скоро начнет светать.

– Поскорей бы. Иначе еще немного и...

Капитан не закончил мысль и побежал. Один из разведчиков подал сигнал «Стоять!» Рудницкий неохотно последовал за ним. Что бы ни случилось, точно не обойдется без экспертизы Олафа Арнольдовича.

– Тела, – доложил солдат. – Это люди из аварийного взвода.

– Уверен? – быстро спросил Варецкий.

– Так точно, ваше высокоблагородие! Этих двоих я лично знаю, это Ванька Трифонов и Сережа Годулин.

Алхимик обернулся, услышав шаги Самарина. Полковник внимательно оглядывал трупы, потом подозвал его жестом.

– Ты мог бы достать пули из тел? – попросил он. – У тебя же есть при себе какие-то инструменты?

Рудницкий скривился, ему не улыбалось проводить вскрытие прямо на мостовой, в присутствии коллег убитых.

– Это обязательно?

– Обязательно. Посмотри, кто-то их застрелил, и это следы не от серебряных пуль. Серебро слишком мягкое, чтобы раны имели такую форму.

– Уверен?

– Нет, поэтому и прошу тебя о помощи. Поскольку теоретически кто-то мог поймать шальную пулю. Однако...

– Не похоже, – заметил Варецкий. – Они не воевали, они убегали. Тут входное отверстие на шее и нет выходного. Словно кто-то стрелял в него сверху. Тут пуля прошла на вылет. Такое маловероятно в случае с серебряной пулей.

– Все зависит от пробы серебра и что добавлено в сплав, – вмешался алхимик. – Никто не делает пули из чистого серебра.

– Поэтому лучше проверить.

– Ну ладно, только пусть солдаты отойдут. Мне нужно немного места и свет.

Варецкий кивнул и отдал соответствующий приказ. Алхимик надел резиновые перчатки и принялся за дело. Он не заморачивался обследованием тела, просто разрезал там, где, по его мнению, застряла пуля. Через мгновение он вытащил кусочек металла, Варецкий помог ему ополоснуть его от крови.

– Стандартная пуля, – буркнул Самарин. – Свинец с мельхиором. Ни следа серебра...

– Можешь проверить, что за винтовка?

– Нет, тут нужен эксперт, лабораторные исследования. Ясно только одно, что оружие военное.

– Значит, снайпер?

– Снайпер, – хмуро подтвердил полковник.

– Ну что, идем дальше? – спросил Варецкий.

– Да, собери людей, – приказал Самарин.

– А тела? – неуверенно спросил алхимик. – Что с ними?

– Придем за ними позднее, днем. Сейчас все равно не сможем забрать всех, у нас только один автомобиль.

Предположения Самарина сбылись полностью: улица на протяжении ста метров была устлана трупами. Солдаты, гражданские, женщины... Похоже, советник Брагимов пригласил на экскурсию всех, кого только смог. Большинство имели следы клыков и когтей, несколько лежали в лужах крови без видимых внешних повреждений. Были и тела с огнестрельными ранами.

Идущий впереди Варецкий внезапно прицелился в темноту. Как и солдаты рядом с ним.

– Там что-то шевелится! – закричал капитан.

– Не стрелять! Это женщина! – заорал Матушкин.

Алхимик одним движением сорвал высокий ворот платья незнакомки, проверил пульс.

– Жива, – удивленно сказал он. – Ранена, но жива.

– Можешь что-то... – начал Самарин.

– Могу. Свет! И отступите, к чертовой матери! Я должен ее раздеть, и мне не нужны зрители!

Солдаты выполнили приказ, до того как кто-то из офицеров смог подтвердить его. Рудницкий разрезал одежду женщины. Внезапно тишину разорвал быстрый топот – возвращался один из разведчиков.

– Ваше высокоблагородие! Ваше высокоблагородие! Там есть люк в канализацию! Открытый, – доложил он.

– Ну, теперь мы уже знаем, каким образом эти монстры сбежали, – сказал Самарин. – Олаф!

– Что?

– Я оставляю тебе автомобиль и несколько солдат, забирай раненую и возвращайся.

– А ты?

– Я иду в каналы.

– Там решетка. И серебряные прутья в стене выше должны отпугивать этих созданий.

– Похоже, не всех, – сухо ответил россиянин. – Так или иначе, нужно это проверить. Бери автомобиль и уходи!

– Будь осторожен, – буркнул Рудницкий. – Я не горю желанием оправдываться перед твоей теткой.

Самарин похлопал его по плечу и исчез в темноте.

– Становись! – крикнул Варецкий.

Солдаты выстроились в две шеренги.

– Как она? – к алхимику подошел Матушкин. – Перенесет транспортировку?

– Должна, пуля застряла под ключицей, но не повредила артерию.

Они уложили раненую на заднем сиденье, Рудницкий занял место рядом с водителем. Машина тронулась. Алхимик посмотрел на часы: до рассвета оставался час. «Может, и повезет, – подумал он. – Может быть...»

* * *

Рудницкий взял скальпель, и гладкую кожу оттенка липового меда рассекла узкая красная линия, появилась кровь. Женщина не отреагировала, она все еще была без сознания. Алхимик осторожно засунул в рану щипцы, чтобы вытащить пулю, скривился, чувствуя, как разрываются ткани от металлического инструмента. Не сразу ему удалось ухватить кусочек металла. Осторожно он вытащил пулю, потянулся за тампоном, пропитанным отваром из шалфея, ладана и мирры. Выругался, когда из раны брызнула кровь. Тампон не помогал.

Он кинулся к шкафчику, схватил емкость с нитратом серебра. У химического прижигания были свои минусы, но оно действовало быстро и эффективно. Он посыпал рану белым кристаллическим порошком. Кожа незнакомки сразу же почернела, вокруг разнесся запах гнили. Женщина открыла глаза, пронзительно закричала и начала дергаться, почти разрывая ремни, которыми была привязана к столу. Рудницкий потянулся к шкафчику за морфием, с размаху всадил ей укол в бедро. Не подействовало. Через мгновение лопнул один из ремней, за удар сердца – второй. Оба широкие, солидные. Казалось, не уничтожаемые. Осталось еще три.

Рудницкий кинулся за хлороформом; отклонил голову, пропитал марлю жидкостью и приложил к лицу пациентки. Лопнул следующий ремень, женщина высвободила руку. Алхимик еще раз посмотрел на этикетку, ошибки не было: *Chloroformium anaestheticus*.

Раздался металлический грохот, когда на пол упала емкость, куда алхимик положил вытаскиваемую пулю. Она покатилась под шкаф, но Рудницкий смог заметить ее цвет. Серебро. Незнакомку не снайпер подстрелил, а один из солдат Брагимова...

Массивный операционный стол зашатался: женщина подняла резким движением тело и разорвала кожаный ремень, словно он был сделан из бумаги. Рудницкий формировал защитный круг. Неловкими, трясущимися от страха руками. Нитрат серебра. Серебро...

– Олаф Арнольдович! – мягким, нежным голосом обратилась к нему женщина. – Мы не должны плохо относиться друг к другу...

Она вытянулась на столе небрежным, кошачьим движением. Прекрасная и голая. Ее ладонь прошла по идеально сформированному бедру, напоминающему изгибами греческую амфору. Солнечные лучи, проникающие через окно, окружили женщину сияющей аурой, подчеркивая и так необычную чувственность, совершенство черт, гладкость кожи, изящество жестов.

– Вы намусорили, – сказала она со снисходительной улыбкой, показывая на круг из белого порошка. – Не лучше ли убрать?

– Точно, лучше, – согласился алхимик. – Только для кого?

Она гневно зашипела, видя, как он создает следующий барьер, в этот раз из соли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.